

ВАЛЕРИЙ ЦАПКОВ

ШОКОЛАДНАЯ МЕДАЛЬ

Валерий Цапков

Шоколадная медаль

«Издательские решения»

Цапков В. В.

Шоколадная медаль / В. В. Цапков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835930-9

Представьте, что вам разрешили пройти за кулисы войны. Вы заглядываете в одну гримерку — там воин примеряет костюм торговца, приоткрываете дверь во вторую — там философ чистит солдатские сапоги, а в третьей — шпион, лениво сгоняющий мух с шоколадной медали. Абсурд? Нет, дорогой зритель! Это и есть театр военных действий...

ISBN 978-5-44-835930-9

© Цапков В. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Шоколадная медаль

Валерий Владимирович Цапков

© Валерий Владимирович Цапков, 2016

ISBN 978-5-4483-5930-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Когда писал этот текст, я пытался оживить человека. Какая-то детская фантазия, что если сочинишь другую судьбу тому, кто погиб, то он оживет, и ты с ним еще встретишься и доспоришь о том, о чем не успел доспорить, и договоришь то, что не договорил.

– Что вы знаете об операции в провинции Г., где была захвачена крупная партия наркотиков? Что вы знаете о взаимоотношениях старшего лейтенанта С. и начальником штаба дивизии? Что вы знаете о взаимоотношениях старшего лейтенанта С. и начальника политотдела дивизии? О чем он вам писал из Афганистана?.. – задавал вопросы следователь военной прокуратуры Каунасского гарнизона; согласно опросного листа, их было два десятка.

– Ничего не знаю... Не знаю, не в курсе... Всякую ерунду писал, – честно отвечал я. Следователь хмурил брови, в глазах читалось жгучее любопытство и глубочайшее недоверие к моим словам.

Эта беседа и разбудила воображение. В то время офицеры роты сбросились и купили пишущую машинку. Запомнилось, что первую страницу текста я выстукивал на машинке двумя пальцами почти час. Представления о том, как пишутся литературные произведения, у меня были смутные. Надо писать правду? Придумывать сюжет? Я не знал. И спасительного интернета, который ответит на все вопросы, тогда не было. Получилось то, что получилось. Практически каждый день был забит занятиями по вождению, стрельбе, парашютными прыжками, наведением дисциплины в роте-батальоне, а вечером я добирался до машинки и выстукивал строчку за строчкой. За год с лишним накопилось под две сотни страниц. Закончил зимой 1992 года. Весной того же года предложил рукопись (машинопись было бы правильнее) в минское издательство «Эридан». Литературный эксперт предложил сделать книгу в два раза больше по объему, мол, так выгоднее для печати. Делать этого не хотелось, и текст в бумажной форме пролежал еще с десяток лет. Потом пару глав были напечатаны в газете «Брестский курьер», после чего, наконец, руки дошли до оцифровки.

В 2004 текст появился на сайте Artofwar.ru., созданном с неоценимой помощью Максима Мошкова, «хозяина» Lib.ru. Там опытные читатели, матёрые волки войны, быстро раскусили, где вымысел, а где домысел. В «реале» некоторые сделали замечания. Сергей из Приднестровья подверг сомнению курс чеков внешпосылторга к афганцам на 85-й год, а Валера из Питера и Коля из Москвы нашли, что в некоторых вымышленных сценах больше выдумки, чем могло быть на самом деле. Было и такое суждение: «Представляет не столько литературную, сколько этнографическую ценность».

Содержание «Шоколадной медали» все это время не менялось, была лишь литературная правка. Пару раз брался выправить повествование, но поймал себя на том, что пытаюсь убрать некоторые сюжетные линии и отдельных героев, а многие подробности того времени просто забыл. Мне кажется, текст от современной правки только проиграл бы. «Шоколадная медаль» стала для меня напоминанием о том, каким я был, когда тридцатилетним майором двумя пальцами выстукивал строчку за строчкой. Как бы срез моих мозгов из далекого 1992 года.

Итак, взыскательному читателю сразу сообщая: вся история выдумана, любые совпадения случайны. Выдумано все! Все! Имена и события – все выдумано! Фотографии – другое дело, все они сделаны мной в Афганистане, где я прослужил с 1 сентября 1984-го по 9 октября 1986-го. Но они не связаны с текстом и приведены в книге лишь для передачи аромата эпохи. Откуда взялись в тексте некоторые сюжетные линии, честно скажу: не помню, забыл, выдумал...

Но некоторые строки выдуманной истории со временем находят продолжение. Так, когда мне в руки попал текст книги «Кабульский книжник» норвежской писательницы Осне Саерстад, когда дошел до страницы с описанием проблем с афганской госбезопасностью хозяина магазина, я испытал чувство вины. Та книга написана в начале нулевых годов, в англоязычной «Википедии» достаточно хорошо описан скандал, связанный с этой книгой и опровержением хозяина магазина.

А десять лет назад, когда Брест посетил атташе по культуре американского Посольства в Минске Джеймс Лэнд, я предложил ему забрать эту книгу, который вымышленный персонаж «Шоколадной медали» взял когда-то в американском посольстве в Кабуле и не вернул. Мол, пользуясь наличием в стране ограниченного контингента американских войск, можно найти нерадиворого читателя и наказать. Атташе отказался...

Что касается рисунков, которые есть в книге, они тоже мои. Несколько месяцев назад брестский художник-график Александр Григорьев подарил мне огрызок своего карандаша. С его помощью я и попытался проиллюстрировать некоторые страницы повествования. Потому как зачем нужны книги без картинок и разговоров?

2016

«Город Кабул – это солнце и пыль...»

Р. Киплинг «Брод через реку Кабул»

«Когда литераторы рассуждают о военных делах, это в большинстве случаев „разговор о солдатах на бумаге“; когда военные рассуждают о литературных произведениях, это в большинстве случаев – повторение чужих мнений, услышанных в пути».

Чжан Чао «Тени забытых снов»

Глава 1

Визг тормозов, вопль ишака и яростный мат водителя вмиг отрезвили Олега, в то время как внезапный удар головой о ветровое стекло из-за резкого торможения «Урала» всего лишь разбудил.

Он очнулся весь потный, потрянул головой, сгоняя сонную одурь, и огляделся. Водителя в кабине уже не было, утренний ветерок, залетев через распахнутую дверцу, приятно освежил уставшую кожу лица. Расстояние до впереди идущего «Урала» с каждой секундой увеличивалось, наконец, он исчез, свернув за нависавшую над дорогой скалу. Колонна растянулась, от Хинджана до Пули-Хумри дорога плавно шла под уклон, машины мчались, невзирая на запреты и инструктажи, в два раза быстрее положенных сорока километров в час.

Вылезая из кабины, Олег зацепился рукавом за дверную ручку, потерял равновесие и упал на землю, больно ударившись коленом о камень. Он чертыхнулся, проклиная водителя за неудачное место для остановки, поднялся, отряхиваясь от пыли, и замер... В желудке неприятно похолодело, от обиды на судьбу на глазах чуть не выступили слезы – мозг мгновенно просчитал последствия увиденного.

Ручеек крови прокладывал себе путь по пыльному асфальту, неторопливо наполняя трещины и ложбинки, кратчайшим путем ведущие на обочину дороги от середины, где, уткнувшись толстым волосатым брюхом в ребристое колесо «Урала», лежал, еще подрагивая, ишак, а рядом с ним, нелепо подогнув руку под себя, мальчишка лет десяти.

Водитель машины оглянулся по сторонам, внимательно всмотрелся в гребень нависавших над дорогой скал, перешагнул через лежавший рядом лопнувший мешок с мукой, и, стараясь не запачкаться в крови, приложил ухо к груди мальчишки. Послушав, он поднялся, зло сплюнул и повернулся к Олегу.

– Вот сука! За полгода до дембеля! Ну-ка, старлей, помогай, а то вместе на зоне топать будем!

Моментально сообразив, что от него требуется, Олег бросился вперед, чувствуя при этом облегчение.

– Ты – бачу, а я – ишака, – деловито скомандовал водитель. – Да не трясись, ему уже ничего не нужно!

Бережно подхватив под руки, Олег поволок теплое тело на обочину. Голова мальчика запрокинулась и болталась, черные глаза с налитыми кровью белками угрожающе, как казалось Олегу, поглядывали на него. Он положил тело в небольшую ложбинку между камнями, осторожно, как будто стараясь не ушибить, положил на голову мальчишке, прямо на лицо, плоский камень, чтобы голова не была видна с дороги. Бегом вернувшись к машине, помог водителю столкнуть тушу ишака под откос. Лопнувшее брюхо оставляло на асфальте желто-красный след...

– Поехали!

Олег торопливо вскочил на подножку и, еще не успев толком сесть на свое место, захлопнул дверку. Водитель же, глянув на дорогу – никто их пока не догонял, боевая машина замыкания отстала еще больше, – неторопливо направился к машине, но, пнув ногой лежавший на дороге мешок с мукой, заметил торчащий из него сверток, поднял его, и только после этого залез в кабину.

Измельчав, горы плавно перешли в холмы, изрезанные оврагами, а те – в пустыню, до приграничного Хайратона оставалось несколько часов пути.

«Урал» взревел и тронулся с места, быстро набирая скорость.

Поглядывая на дорогу и придерживая руль левой рукой, солдат развернул сверток. На жирной пергаментной бумаге блеснул никелем маленький изящный пистолетик.

– Дамский? – взвесив на ладони, как бы оценивая, пистолет, спросил солдат.

– Испанский «Стар». Зачем тебе? – буркнул Олег. Он чувствовал себя гадко, разговаривать не хотелось. Солдат ухмыльнулся:

– Возьмите себе, бакшиш.

Увидев, что Олег заколебался, он добавил:

– Не бойтесь, не заложу. Мы ведь теперь повязаны.

– Да, повязаны... – Олег горестно вздохнул и задумался, вспоминая вчерашние события...

Глава 2

...Тишину расколол грохот крупнокалиберного пулемета. Олегов невольно пригнулся. Стреляли рядом, за бугром, где размещалась застава артиллеристов. Олегову стало интересно, в кого стреляют. Пройдя мимо равнодушно глядевшего солдата у шлагбаума, он подошел к огневой позиции – сложенному из камней брустверу, затянутому сверху маскировочной сетью.

Пулемет снова сотряс воздух. Стреляли не прицельно, трассы веером шли над долиной в ущелье, оставляя слабый дымчатый след.

– Если не секрет, по кому палите? – дружелюбно улыбаясь, спросил Олег.

По пояс голый мужчина обернулся, внимательно оглядел Олега и молча продолжил поправлять ленту с патронами. Второй стрелявший, тоже в одних брюках и кроссовках на босую ногу, словоохотливо ответил:

– А пусть не ездят после восемнадцати часов. Видишь, «Тойота» внизу пылит? Если не свернет, размолотим вдребезги.

На плече у парня Олег заметил татуировку: девичье лицо и кольцом вокруг него надпись на английском языке «Make love, not war».

Усатый поправил ленту, вытер грязные от пороховой гари и ружейного масла руки несвежим полотенцем, услужливо поданным ему татуированным, затем повернулся к Олегову, нахмурился и холодно спросил:

– А ты кто, если не секрет?

– Я из колонны, – ответил Олег, беспечно махнув рукой в ту сторону, где на окруженной кустарником площадке стояли «Уралы» автоколонны N 142, с которой он и ехал по маршруту Кабул – Хайратон.

Усатый пристально посмотрел в глаза Олегову, недоверчиво покачал головой и, сначала медленно, нарастающе, а под конец все более жестко, произнес:

– Нет. Ты не из колонны. Ты из Пакистана, шпион. Ты пришел по этому ущелью. Но тебе не повезло, ты вышел на нас. Руки вверх! Выше!

В руках у усатого оказался автомат. Олегова от неожиданного поворота событий прошиб пот. Растерявшись, он не нашел, что ответить.

– Кругом! Иди вперед, в блиндаж!

– Мужики, да вы что...

– Заткнись! Сколько рупий тебе платят за каждую взорванную школу? Шире шаг, сейчас мы тебя допросим.

Пригнув голову, совершенно удрученный, Олегов шагнул в сумрачную духоту блиндажа, сложенного, как и все инженерные сооружения на заставе, из плоских камней, и услышал, как усатый за его спиной кому-то крикнул:

– Эй, любезнейший! Позвони коменданту зоны, скажи, что я велел ему разобраться с «Тойотой» и дуть сюда!

Олегов осмотрелся по сторонам: две койки, застеленные пыльными одеялами, шкаф у стены, сделанный из ящиков от снарядов, грязный стол, заставленный стаканами и недоеденными консервами.

Усатый широким жестом взмахнул рукой, со стола взлетела туча мух, наполнив жужжанием пропыленный воздух помещения.

– Садись, мы сейчас выясним твою личность...

С этими словами усатый достал полиэтиленовый пакет с не очень прозрачной жидкостью, перехваченный в горловине нитками, осторожно проколол его вилкой и бережно наполнил стакан.

– Пей! Пакистанские наймиты этого не пьют, только наши.

Кишмишовка шибанула в нос, во рту стало гадко. Олегов невольно разжал челюсть, стараясь не дотрагиваться одеревеневшим языком до покрывшихся противным налетом зубов.

– Ну-ка, закуси толстолобиком, свежая баночка, – засуетился тот, что с татуировкой. – Ты, видать, из Кабула, почему там сейчас бутылка?

Олегов отдышался, зажевал противный привкус во рту сочным куском рыбы, вытер проступившие слезы и ответил:

– Четыреста двадцать афганей, курс к чекам – один к девятнадцати.

– Баснословно дешево, – завистливо вздохнул татуированный, – слушай, а не брошишь ли нам следующей колонной ящичек-другой? Тридцать пять чеков за бутылку даю, в Пули-Хумри пятьдесят после получки могут дать, но ведь туда везти... Кстати, давай знакомиться. Я Костя, старшина батареи.

Олегов почувствовал, как замешанный черт знает на чем самогон из кишмиша вступил в реакцию с организмом, изменил его химический состав и тем самым окрасил в другой цвет восприятие окружающего. От желудка во все точки тела хлынула теплая волна. Нелепый арест оказался шуткой.

– Миша. Заместитель командира роты.

– Ну-ка, не отвлекаться, между первой и второй разрыв должен быть минимальный, – отрывисто бросил усатый и, с недовольством глянув на замешкавшегося со стаканом у рта Олега, добавил: – У нас одного за задержку тары топором зарубили.

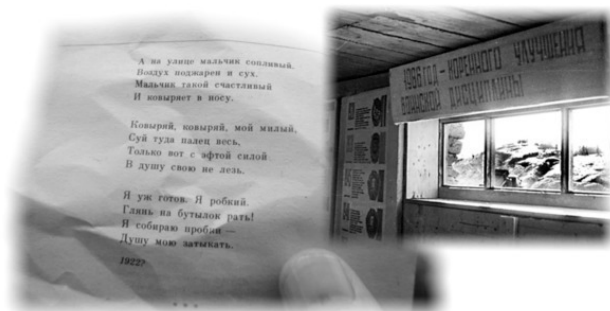
Олегов вздрогнул, услышав про «тару». Это присловье было ему знакомо, напоминало Союз, и не просто Союз, а вполне конкретных друзей. Он почувствовал себя уютней.

– Ты, случаем, Колю Рашпиля не знал?

Усатый снисходительно улыбнулся, пожал плечами: нет, не знал.

Потом пили еще и еще, усатый со старшиной рассказывали, как вольготно служить на этой придорожной заставе, на высоте почти три тысячи метров. Подошедший комендант заставы, розовощекий старший лейтенант, рассказывал, что у дуканщиков Хинджана можно купить все, причем не на много дороже, чем в городе, но Олегову казалось, что они с завистью слушают его рассказы об изобилии дуканов Зеленки, Шестой улицы, Мейванда и Спендзара. Комендант принес в полевой сумке еще пакеты с кишмишовкой, появился противень с жареной картошкой, потом организовали баню. Усатый с задором кричал «Пошали!», когда в бане, также сложенной из камней, с жаровней из бронелиста, старшина сек его эвкалиптовым веником, а комендант плескал воду в гильзы от снарядов, вмурованные в печь, и они выстреливали

густыми клубами пара, обжигали людей, и те спасались от них в крошечном бассейне с ледяной водой, а дневальный прямо в бассейн подавал поднос с горячим жасминовым чаем. Комендант хвастливо рассказывал, как на его БТР все время охотятся духи, обстреливают из гранатомета, но всегда промахиваются, а потом началась стрельба, и они, стоя в одних трусах, видели, как с вершины горы на другой стороне ущелья одна за другой навесной траекторией взлетают шесть ракет. Усатый сказал, что будет перелет, и через минуту горящий фосфор осветил откос у дороги, площадку с машинами невдалеке, зенитные установки боевого охранения колонны, размещенные в кузовах «Уралов». Ответили огнем, стало больно ушам, комендант кричал что-то в трубку полевого телефона у шлагбаума, потом отправил посыльного в колонну, чтобы прекратили огонь: мешают артиллерии и танкам корректировать стрельбу. Вершина горы вспыхнула от разрывов, а потом оттуда снова полетела серия реактивных снарядов, и они удивлялись живучести духов... Опять была артиллерия, но не все еще было выпито, и старшина все выпрашивал, что за груз везет колонна, есть ли стройматериалы и где стоит машина с продуктами. Мутило и хотелось спать, но стоило закрыть глаза, как начинало подташнивать. Олег повалился на чью-то кровать. На полке, сделанной из крышки от ящика для боеприпасов, лежала книга. Олег сдул с нее густую пыль, и, чтоб не тошнило, попытался сосредоточиться на содержании. Это был Есенин. Полистав, он вырвал лист, стал читать. Это оказался стих, который, положив на «блатные аккорды», весело распевал Колька Рашпиль, топтавший эти дороги три года назад, и школьный учитель Витька Мороз, которому отец, начальник разведки парашютно-десантного полка, пригрозил, что выгонит из дома, если тот пойдет в десантное училище. Особенно хорошо у них получался припев: «Ковыряй, ковыряй, мой милый, суй туда пальчик весь, только вот с этой силой в душу мою не лезь...»

Глава 3

Измельчав, горы плавно перешли в холмы, изрезанные оврагами, а те – в пустыню, до приграничного Хайратона оставалось несколько часов пути. После «своротки» на Мазари-Шариф, где колонну притормозила комендантская служба, Олегов пересел в машину связи. Ее хозяин, лейтенант Шалыгин, вообще предлагал на обратном пути пересечь к нему, на что Олег с радостью согласился. Машина связи представляла собой гибрид из «Урала» и стоящего у него в кузове фургона с радиостанцией, снятого с «Газ-66».

...Олегов стоял в спальном отделении фургона, откинув верхнюю крышку. Нетерпение и возбуждение от приближения к границе СССР, вечно свежее синее небо, прохладный ветер в лицо, – все это сливалось в единый сплав чувств и ощущений.

В голове колонны выстрелили сначала короткой, затем длинной очередью. Ударил автоматная очередь и из кабины машины связи, где сидел Шалыгин. На промчавшемся мимо телеграфном столбе с треском разлетелся один из немногих уцелевших фарфоровых изоляторов. Только сейчас Олег обратил внимание на то, что придорожные столбы, знаки и указатели изрешечены пулями. Стреляли уже и впереди, и сзади. Придерживаясь, чтобы не упасть, он пригнулся в сумрак радиальной будки, достал автомат с примкнутым магазином и с азартом включился в это сумасшествие. Бетонные столбы не трогал, опасаясь рикошета, выбирал какой-нибудь приметный куст на склоне бархана и короткими очередями расстреливал его, стараясь, чтобы фонтанчики попаданий ложились кучнее, пытаясь прикинуть, какое же нужно брать упреждение на движение машины. «Занятие» по огневой подготовке закончилось также внезапно, как и началось – по сигналу головной машины, в которой ехал начальник колонны, капитан Зубов, прозванный за солидный для капитана возраст, комплекцию и грозное выражение лица «полковник».

Впрочем, это звание у него оспаривал его же старшина, прапорщик Габурин, много лет назад сыгравший в забытом всеми фильме эпизодическую роль гусарского полковника. Времени с тех пор утекло много, однако разворотом плеч и дореволюционной офицерской осанкой он по-прежнему обращал на себя внимание. Габурин служил в Афганистане по «второму кругу». После первого, вернувшись домой, он счел нужным открыть беглый ружейный огонь из двустволки по жене. Ей удалось убежать. Они тихо развелись, и его быстро перевели в другой гарнизон, где он довольно быстро пропил все деньги. От наказаний бывшего «гусарского полковника» уберегали комбат и командир полка, помнившие его по первому кругу, как совершенно непьющего атлета, умевшего и любившего воевать. Сейчас Габурин, из соображений субординации, предпочитал кличку Урядник. Второй круг он начал круто: борьбой с ротной солдатской мафией. Колонна часто ходила в Термез, практически все водители промышляли контрабандой: в Союз – товары, из Союза – водку. Прибыли хватало и на подкуп офицеров. Габурина отдали под суд чести прапорщиков за то, что одного солдата он бросил в арык, а другому сломал ключицу, но общественное мнение офицеров встало на его защиту, мол, если бы все были такие принципиальные... Прапорщик получил строгое предупреждение за неуставные взаимоотношения, после чего затих, ушел в хозяйственные старшинские хлопоты и завел себе собаку.

Собака эта, рыжая дворняжка, тоже ехала в колонне, таякая под брезентом в кузове одной из машин, где у нее был свой матрац. Она нетерпеливо скулила, утомившись за дорогу, ожидая, когда, наконец, можно будет спрыгнуть на твердую землю.

Не терпелось и Олегову. Пока «Уралы» пылили, покучнее выстраиваясь на широкой песчаной площадке, машина связи остановилась чуть в стороне: Шалыгину тоже не терпелось.

...Утопая по щиколотку в песке, Шалыгин с Олеговым брели на вершину бархана. Песчаная площадка, называемая здесь полевым парком, была окружена природными и рукотвор-

ными дюнами. Дворняга Габурин быстро догнала людей и, задорно твякая, начала носиться кругами, потом погналась за ящерицей, выбежала на бархан и замерла с высунутым языком. Тяжело дыша, вслед за ней поднялись и Олегов с Шалыгиным и молча, жадными глазами, стали разглядывать Советский Союз: опоясанные колючей проволокой склады, река с заросшими берегами, опять склады, всюду песок, здание таможни у моста и далекие очертания труб и крыш Термеза...

– Жаль, что нас туда не пустят, – безнадежно-мечтательно вздохнул Шалыгин.

– Да, тебя только пусти, – отозвался Олегов.

Шалыгин достал из кармана складные итальянские очки «Феррари», одел их и нарочито официальным тоном сказал:

– Уважаемый, а не сходить ли нам куда-нибудь, не испить ли чего прохладительного?

Погрузка начнется только завтра...

– Отчего бы и нет?! – в тон ему отозвался Олегов.

Они спустились с бархана, заперли свои автоматы в радиной будке и налегке, лениво болтая на ходу о всякой всячине, побрели по пыльной дороге, ведущей к берегу Амударьи, на котором далеко в обе стороны раскинулись склады снабжения 40-й армии.

Глава 4

На следующий день Шалыгин напросился к Зубову с просьбой, чтобы тот взял его и Олега с собой, на продовольственные склады, хотя Шалыгину, как начальнику связи колонны, делать там было нечего (впрочем, как и Олегову). Он попал в колонну совершенно случайно, вместо заболевшего брюшным тифом начальника инженерной службы полка, который должен был загрузить одну машину колючей проволокой, маскировочными сетями и миноискателями.

От полевого парка до продовольственных складов ехать было минут пятнадцать. Желтая пыль пустыни густо клубилась за впереди идущим «Уралом». Проезжая через железнодорожный переезд, Олег вспомнил, что в секретном справочнике по Афганистану, который он читал еще в Союзе, было написано, что в ДРА всего одиннадцать километров железной дороги.

– В Хайратоне хоть километр асфальта есть? – проворчал Олег, поднимая стекло, чтобы не дышать пылью. Шалыгин, предвкушая какие-то удовольствия, улыбнулся:

– На складе есть. Там все есть!

У ворот в колючей проволоке, ограждавшей склад, колонна притормозила. Зубов, тяжело прыгнув на песок, пошел предъявлять документы на получение груза. Ворота открылись – машины, окутывая все сизым дымом, по одной начали въезжать во двор и выстраиваться на бетонированной площадке.

У погрузочной платформы склада сиротливо сочился рассолом штабель ящиков со стеклянными банками.

– Пошли, помидорчиком опохмелимся.

– А можно?

– Если только очень хочется, – засмеялся Шалыгин и погладил свои крошечные усики.

Некоторые банки в ящиках были либо разбиты, либо треснуты. По бетону шел влажный след, аппетитно пахло рассолом. Олег проглотил слюну. Шалыгин деловито оглядел ящики, выбрал банку с наиболее симпатичными помидорчиками, достал ее и вскрыл ножом.

– Эй, бездельники! Ну-ка, подойдите ко мне! – строго прикрикнул Зубов.

Он стоял рядом с худосочным прапорщиком, который настороженно, даже несколько враждебно поглядывал то на офицеров, то на солдат, уже грузивших мешки с мукой в машины. Погрузочной команды на складе не было, работали зенитчики из боевого охранения колонны и водители, по очереди подгоняя и заполняя машины.

– Я вас для чего взял? – сердитым хриплым голосом спросил Зубов и сам же ответил: – Следить за этими урками, чтоб чего не украли! Вперед, по местам!

– Слушаемся, гер полковник! – дурашливо щелкнул каблуками Шалыгин и отдал честь.

Прапорщик, как видно, начальник склада, с подозрением посмотрел на Шалыгина, но ничего не сказал.

Прикрикнув для видимости своей работы на солдат, грузивших мешки, Олег с Шалыгиным зашли в сумерки складского помещения. Штабеля ящиков, кладки мешков и ряды бочек заполняли все пространство, оставляя лишь неширокие проходы.

– Стой, что это у тебя? – Шалыгин на ходу схватил за рукав проходившего мимо солдата, опытным взглядом определив, что у того что-то спрятано в комбинезоне на груди.

– Товарищ старший лейтенант, не знаю, – искренне ответил солдат, широко улыбаясь, – как раз вас искал, хотел спросить.

Шалыгин повертел в руках литровую жестяную банку, прочитал шифр на торце и озадачился, услышав шорох в банке.

– А где взял?

– Там, – солдат показал в угол, где стояли картонные ящики.

– Ладно, иди, благодарю за бдительность, – довольно поглаживая усы, не смотревшиеся на его юношеском лице, сказал Шалыгин.

Присев на ящик, он опять достал нож и тремя движениями пропорол жестяную крышку, отогнул ее и высыпал на ладонь горсть белых гранул величиной с горошину. Понюхав, он осторожно лизнул их и высыпал все в рот.

– Оригинально. Сушеный творог. Но душа требует иного.

Порыскав среди штабелей, они угостились консервированным сыром, сосисочным фаршем, судаком в томате и запили все соком зеленого горошка, прокалывая в банках дырочки и высасывая содержимое.

– Красиво здесь можно жить, – с ленцой в голосе произнес Олегов, когда, наевшись и напившись, они лежали на мешках с мукой в одной из машин.

– А как же! Они не банками, а тоннами все считают, – пробормотал Шалыгин, не открывая глаз.

Очнувшись от дремы, лишь услышав перебранку у склада.

– Вы на двенадцать мешков больше загрузили! – срывающимся от волнения голосом кричал прапорщик.

– Посчитай заново: в каждой машине – шестьдесят мешков, – невозмутимым голосом отвечал Зубов.

– Вы уже отправляли машины в лагерь? – спросил подошедший лейтенант с эмблемами мотострелковых войск на петлицах.

– А чего ждать? – агрессивно ответил Зубов. – Три «Урала» с зампотехом роты уехали, машины нужно обслужить!

– Едем! – решительно сказал лейтенант.

– Пока все не загрузу, не поеду, вы мне еще сок не дали!

Лейтенант задумался, посмотрел на прапорщика. Тот смутился, кивнул головой. Лейтенант, осторожно взяв Зубова за локоть, отвел его в сторону, что-то говоря на ходу. Зубов сначала изобразил разъяренный вид, потом затих, что-то спросил у лейтенанта, ткнув его пальцем в грудь, достал блокнот и сделал пометки.

– Грузим дальше! – прикрикнул Зубов на празднично стоящих солдат и офицеров. – Чего уставились?..

Картонные ящики с жестянками виноградно-яблочного сока грузить было легче, чем мешки с мукой, так что закончили быстро.

К волнующему моменту подписания накладных офицеры сгрудились вокруг Зубова и прапорщика. Зубов со вздохом сожаления, а прапорщик с облегчением поставили подписи, пожали друг другу руки, после чего лейтенант вдруг решительно заявил:

– А теперь едем пересчитывать! Будем смотреть те три машины. Я вызвал комендантский патруль.

Зубов с ненавистью посмотрел на лейтенанта и на ворота, за которыми стоял «ГАЗ-66» с бело-красной полосой поперек кабины.

Колонна тронулась в обратный путь.

– Что будет? – с тревожным любопытством спросил Олегов у Шалыгина, когда машина тряслась по песчаным ухабам по дороге в лагерь.

– Меня не интересует. Я отвечаю за связь, а не за груз, – беспечно ответил Шалыгин. – Пошли лучше в барханы, ящериц ловить...

Забрав автоматы из радиной машины и натолкав баночек с соком в карманы, они было двинулись от стоянки в восточном направлении, но, услышав крики лейтенанта, вернулись, заинтересованные развитием событий.

– Да, по мешкам бьет! Но ведь машина не полная! – брызгал слюной лейтенант.

– А я так грузил, – невозмутимо отвечал Зубов, – с расчетом на то, что «„урядник“» стол с табуретками грузить туда будет.

Солдаты и офицеры, столпившиеся вокруг, рассмеялись, одобряя Зубова и откровенно насмехаясь над лейтенантом.

Комендантская машина с тыловиками упылила. Зубов вытер пот рукавом, озабоченно посмотрел вслед, сплюнул, и зычно скомандовал:

– Рота, строиться!

Это было уже не интересно, Олегов с Шалыгиным двинулись вглубь барханов, окружавших стоянку.

Мелкие серо-зеленые ящерицы в изобилии бегали по песчаным склонам, оставляя за собой еле заметный след.

– Вот это реакция у них! Как у Брюс-Ли! – восхищенно приговаривал Шалыгин, тщетно пытаясь схватить ящерицу, которая, резко меняя направление бега, ловко увертывалась от него. Дело пошло на лад, когда они заметили, что измельчавшие потомки динозавров боятся тени. Расставив руки и пугая темным отражением, они, наконец, загнали одну из ящериц на ровную песчаную площадку и, столкнувшись лбами, схватили ее.

– Неправильная ящерка, – с укором сказал Шалыгин, взяв добычу за хвост двумя пальцами, – должна отбросить хвост, а не отбрасывает...

Запихнув ящерицу в спичечный коробок, они поставили его у подножья высокого бархана и отошли метров на сорок.

– Ну что, на банку сгущенки?

– Как обычно, – согласился Олегов.

Очередь установили жребием, первым выпало стрелять Шалыгину. Звук выстрела в тишине пустыни показался чрезвычайно громким. Рядом с коробком, не задев его, всплеснулся песчаный фонтанчик.

Дело пошло на лад, когда они заметили, что измельчавшие потомки динозавров боятся тени...

Олегов прицелился. Ему вдруг расхотелось расстреливать ящерицу. Спичечный коробок почти заслонялся мушкой, края прицельной планки воспринимались глазом слегка расплывчато. Вдруг показалось, что он слышит, как ящерка скребется и бьется о стены картонной тюрьмы, пытаясь вырваться, и, смирившись с потерей банки сгущенки, он сместил мушку чуть вправо. И тут Олегову стало дурно. Он вспомнил черные, с налитыми кровью белками, глаза мальчишки на дороге и лопнувшее брюхо ишака. «Ящерка во всем виновата», – подумал Олегов. Стиснул зубы, сместил мушку влево и выстрелил.

– И что же осталось? – Шалыгин разочарованно копнул носком ботинка ямку в песке на том месте, где стоял коробок с ящерицей.

– Ничего, – ответил Олегов.

Он подошел к пологому склону бархана и сел на горячий песок. Слабость в ногах прошла, липкий пот быстро подсох. «Не надо раскисать», – сказал он сам себе и, вспомнив, что в какой-то популярной книжке было описано упражнение для самовоспитания, лег на песок, надвинул кепи на глаза и расслабился, мысленно повторяя: «Не надо раскисать, я не раскисаю, все ерунда, ничего не боюсь, не кисну, никаких слюней»...

Глава 5

«От перестановки мест слагаемых сумма очень даже меняется», – мрачно размышлял Олег, беззвучно шепча то «Саланг-Хайратон», то «Хайратон- Саланг». Первое словосочетание, казалось, было окрашено в розовый цвет радости, второе же вызывало тревогу и даже страх. Каждый, уже приметный для него пункт на обратной дороге к Кабулу только усиливал паскудное настроение: угнетали гранатовая роща, ущелье Македонского, Пули-Хумри. В Пули-Хумри он сказал, что заболел, ни в клуб на фильм, ни по военторгам не пошел, остался в спальном отделении радиийной будки машины связи. Заболеть хотелось и в самом деле.

Пытаясь уснуть, он стал считать подбитые или сожженные бензовозы и бронетранспортеры на обочине...

После Пули-Хумри он лежал в будке, на пропыленной за дорогу постели, не высовываясь и придерживаясь, чтобы не сбросило на пол при крутом повороте. Пытаясь заснуть, Олег приоткрыл шторку на окошке, а для того, чтобы утомить мозг, стал считать подбитые или сожженные бензовозы и бронетранспортеры на обочине. На второй сотне он сбился. Сон не шел, наоборот, усиливалась тревога. По поворотам и виражам машины он пытался прикинуть, как далеко осталось до того самого места. Он гнал эти мысли, снова пытался заснуть, и снова вспоминал откос, крупные валуны у дороги, шумящий ручей внизу, вырубленные, и без того редкие деревья у дороги, напоминавшие ему детские книжки про партизан, в которых фашисты вырубали леса вдоль дорог в Белоруссии...

...на второй сотне он сбился, сон не шел.

Машина остановилась. Сердце трепыхнулось от стука в стенку будки.

– Пошли, посмотрим, чего стали, – лениво произнес Шалыгин и, не услышав ответа, поинтересовался: – Спишь, что ли?

Олегов лежал не шевелясь. Дождавшись ухода Шалыгина, он вскочил, ударился лбом о крышку будки, присел, не почувствовав боли, огляделся. Заметив, что наволочка на подушке за неделю почернела от грязи, достал полотенце (тоже не первой свежести), застелил подушку и снова лег. Пошарив рукой на полке в изголовье, он нашел упаковку сахара «Аэрофлот», разорвал обертку и сунул кусочек в рот. Заныл коренной зуб слева, едва наметившаяся в прошлом году зазубрина уже превратилась в дыру.

«Зуб – это почти часть скелета, ведь это мои кости тлеют заживо», – подумал Олегов и языком перекатил уже подтаявший кусочек сахара за другую щеку. Вспомнилась чья-то байка, услышанная еще в училище в восьмидесятом году, что, мол, душманы стреляют с гор сверху вниз, поэтому военный госпиталь в Ташкенте забит ранеными, у которых отстрелена нижняя челюсть...

Снова кто-то постучал в будку.

– Товарищ старший лейтенант, вас капитан Зубов зовет!

«Не раскисать, никаких слюней», – шептал себе Олегов, приближаясь к головной машине. Она стояла, тормознув всю колонну, в пятидесяти метрах от выкаченных на дорогу булыжников. Возле камней стоял Зубов, зампотех роты капитан Швец и два солдата в бронжилетах с автоматами.

– Меня прогнал, а тебя зовет, – недоуменно сказал Шалыгин, стоявший вместе с другими любопытствующими у капота головной машины.

– Засада! Щас мочить нас будут, – авторитетно произнес водитель в тельняшке, залезший для лучшего обзора на крышу кабины «Урала».

– Слезь, обезьяна, – отозвался кто-то.

Зубов сидел на камне посреди дороги и задумчиво глядел на Олега.

– На шестьдесят первой ты ехал?

– Я...

– Ну и как?

– Ничего особенного.

Зубов широко улыбнулся, покрутил головой, как бы чему-то дивясь, повернулся к зампотеху и сказал:

– Прочти, Боря.

Тот поднял к глазам тонкий, полупрозрачный лист бумаги с какими-то вензелями и старательно прочел:

– «Заплатите за бачу. Его убила 12—61 АО, колонна 142. Если не заплатите, будем вас убивать. Десять мешков муки, мешок сахара, четыре чайника...» – Швец сокрушенно покачал головой и поднял глаза. – Тут еще написано, перечислять страшно...

– Товарищ капитан, водитель двенадцать – шестьдесят один гвардии рядовой Тарасов прибыл, – бодро отчеканил за спиной у Олега знакомый голос.

– Давил кого-нибудь? – громко спросил Зубов.

– Никак нет! – Олегов позавидовал выдержке водителя.

– Отец, они говорят, что не давили, – развел руками Зубов.

Только сейчас Олегов заметил сидящего у скалы, в небольшой нише, дряхлого старика в белой чалме. Тот в ответ не пошевелился, безучастно глядя сквозь стоящих перед ним солдат и офицеров.

Зубов помолчал немного, повернулся к Олегову и с непонятным тому злорадством сказал:

– А ведь никому ничего не докажешь, и прокурору не пожалуешься. Плати, дружок. Мне здесь еще долго ездить. Если за каждую колонну буду терять хотя бы по одному солдату, по одной машине... Думаешь, в штабе не заинтересуются, почему всех здесь пропускают, а меня нет?

У Олегова пересохло в горле.

– Это же бешеные деньги.

– Видать, пацан не простой был. Плати.

– Чем?!

– Плати.

Олегов схватил Зубова за запястье:

– У вас есть лишнее. Дайте!

– А ты считал? – Зубов зло выдернул руку. – У меня норма, мешок к мешку!

Швец, до сих пор безучастно стоявший рядом и задумчиво разглядывавший гребень нависавших над дорогой скал, вдруг оживился:

– Товарищ капитан, а может, дать ему под расписку во временное пользование, в присутствии свидетелей?

– А что, верно, – вполне дружелюбным тоном сказал Зубов. Его круглое, с подвижными губами, лицо легко меняло выражение на противоположное.

– Но с возвратом!

Олегов махнул рукой, соглашаясь. Он чувствовал, что из одной ловушки попадает в другую, но вырваться из этой именно сейчас так хотелось, что о будущем не думалось.

– Что дадите?

– Только муку, двенадцать мешков.

Олегов усмехнулся, вспомнив лейтенанта-тыловика в Хайратоне. Зубов достал из кармана широкий блокнот.

– Пиши здесь: «Старший лейтенант Олегов взял в колонне 142 во временное пользование двенадцать мешков муки. Обязуюсь вернуть до 15 июля». Ставь подпись.

– Отец, только мука...

Зубов показал пальцем в листок бумаги, затем черной китайской авторучкой с золотыми разводами переправил 10 на 12, остальное зачеркнул и вопросительно посмотрел на старика. Тот, ни на кого не глядя, еле заметно кивнул головой. Зубов, сидевший на корточках перед стариком, встал, сложил и сунул в карман листок, потер руки и повеселевшим голосом командовал:

– Тарасюк, ты сломался, отстанешь с зампотехом, – затем обернулся к солдатам с автоматами: – Камни с дороги убрать!

После этого для всех, зычно:

– Заводи!!!

Глава 6

...Смяв лежащий перед ним клочок бумаги, Олегов взмахнул было рукой, намереваясь бросить его в урну, но передумал, достал из кармана зажигалку и, осторожно держа бумажку за уголок, сжег ее в узком язычке горящего газа. Посидев немного, он снова вырвал из лежащей на столе тетради листок и опять принялся исписывать его рядами и колонками цифр.

Итак, сто тысяч афганей...

270 чеков в месяц – это 4500 афганей, да и то при хорошем курсе. Значит, почти двадцать месяцев надо служить только на отдачу долга, ничего не тратя на себя, а осталось служить всего шестнадцать...

Олегов откинулся на спинку складного деревянного кресла и задумался. Он вспомнил, как после колонны, рассчитавшись со своим грузом, он пытался проверить, не блефует ли Зубов, утверждая, что те двенадцать мешков не лишние.

– Задолжал двенадцать мешков, машину в полку по ошибке разгрузил. Обещал вернуть, – ответил угрюмый неразговорчивый прапорщик на дивизионном продовольственном складе.

– А накладные покажешь? – спросил тогда Олегов.

– А ты кто такой?! – расвирипел вдруг прапорщик. – Что, раз начальник склада, значит обязательно вор?! Я вас, товарищ старший лейтенант, сейчас к оперативному дежурному отведу или в особый отдел... Кто вы такой, чтобы лезть в секретные документы?..

Олегов вздохнул и снова склонился над листком.

...30 пачек сигарет «Ростов» по 16 – это выйдет 480.

Шесть банок сгущенки по 20 афганей – это будет 120.

Итого в месяц – 600. В год почти семь тысяч. Но Зубов требует сейчас...

Передохнув минуту, Олегов опять углубился в подсчеты. Колонка цифр понемногу росла.

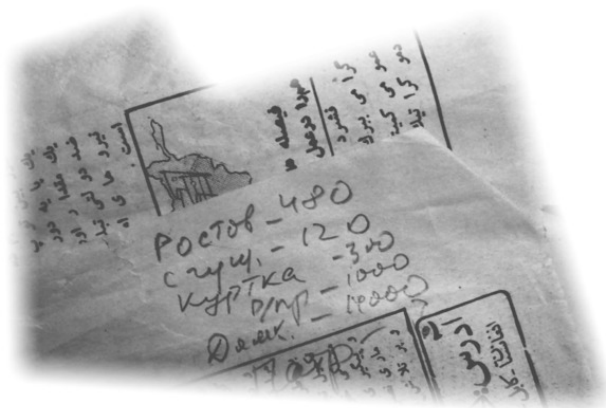
Куртка – 300.

Радиоприемник – 1000.

Под этой строчкой Олегов подвел черту, собрался было подсчитать сумму, но с видом решившегося на что-то человека, ниже черты написал:

Домкрат – 14 000.

Патруль —...

Домкрат – 14 000...

Он снова высек пламя из зажигалки и поджег листок. Стараясь не обжечь пальцы, он дождался, пока огонь не охватит весь лист, после чего театрально уронил его. До бетонного

пола канцелярии роты долетел лишь крохотный клочок. Олегов встал и растер подошвой ботинка золу по шершавому, не шлифованному бетону.

Глава 7

...Посещая публичный дом, Сима чувствовал себя человеком европейской культуры. Доходы позволяли ему бывать лишь в заведении, где за сеанс брали не более 200 афганей. Размещалось оно в старом двухэтажном доме в районе крепости Бала-Хиссар, где начиналась старая джелалабадская дорога. Персонал там был случайный, Симу огорчало однообразие поз, но женщин можно было понять: на них давило общественное мнение. Ранг заведения был таков, что вся клиентура обслуживалась в одном общем зале.

Сима, имевший широкий кругозор благодаря тому, что в порнографических журналах с цветными фотографиями и пояснениями на шести языках он мог разобрать текст на английском языке, остро ощущал превосходство и страдал от того, что этого не замечали и не ценили окружающие.

Оптимисты в Кабуле изучали русский язык, реалисты – автомат Калашникова, Сима же изучал английский. Легче всего ему давался лексикон из порножурналов. Хотя многие слова отсутствовали в словарях, по картинкам он почти безошибочно догадывался об их значении.

Денег на женитьбу у него не было, он был сирота, хотя некоторую помощь иногда оказывал дальний родственник по отцу, в чьей переплетной мастерской он подрабатывал. Несмотря на то, что советская власть, пришедшая с севера, и непрекращающаяся война сбили цены на невест, о настоящей свадьбе с перебрасыванием шитой золотом сандалиии через верблюдов лучше было и не думать. Был еще шанс найти жену с европейскими понятиями о браке, желательно без жадных родственников, но для этого надо было войти в круги, близкие к партийно-государственному аппарату, а для начала – вступить в НДПА. Но Симу отпугивал их язык, многих слов он не понимал, не находя им точного эквивалента ни в родном фарси-кабули, ни в английском языках. Когда Сима слышал разговор партийцев, у него было ощущение, что истинный смысл спрятан глубоко в подтексте, что их объединяет какая-то постоянно подразумеваемая тайна, и, разговаривая об обычных вещах, они имели ввиду нечто более важное. Не было у него и влиятельных родственников или знакомых, чтобы поехать в СССР.

– Я комбригу справку предоставил, что у меня советская жена, образованная, ей нужно много времени уделять, – хвастался в шашлычной на Шестой улице знакомый солдат царандоя (милиции). – Так тот мне дает три выходных в неделю, на Панджшер не послал, когда все туда на операцию поехали. В Союз за товаром каждый год ездить буду! Выучу русский – при комбриге переводчиком останусь. И калым не платил...

Итак, нужны были деньги. Подмастерьем в переплетной мастерской много не заработаешь, к тому же война распугала возможных клиентов, способных платить большие деньги за ручную работу, да и сама работа не вызывала восторга у Симы. Конечно, золоченые страницы редких старинных книг, тонкие, как паутинка, линии букв, кожаные переплеты с тиснениями и сотни крохотных, тщательно выписанных рисунков сами по себе задерживали его внимание, но благоговения, как у хозяина, тщедушного старичка в огромных очках, у Симы не было.

Ожидая хороших заказов, хозяин вел торговлю подержанными книгами, тоже, кстати, не бойкую. То, что Сима видел в комнатке, заставленной до потолка стеллажами с книгами, его завораживало. Он никогда не видел моря, но груды книг на европейских языках с яркими обложками напоминали ему брызги бушующих волн, которые залетели в Кабул до апрельской революции, и понемногу высохавшие на обезвоженной после ухода воды почве.

Перебирая и пытаясь читать небольшие, карманного размера книжки, отпечатанные на тонкой бумаге, он понял, что решение здесь, на этих страницах.

«– Руки держите подальше от тела, медленно поворачивайтесь кругом! Вышибала повернулся и увидел торчащий из двери напротив ствол пистолета с глушителем».

Именно так начинался боевик «Тайный агент в Яванском море». Симу с первой фразы захватила схватка агента ЦРУ по кличке Свингер и объединенных сил разведок ГДР, СССР, китайских и индонезийских коммунистов. Арестовавшего его агента ГДР Свингер уничтожил бомбой, вмонтированной в зажигалку, спас английского кибернетика, находившегося в плену у китайских коммунистов, ликвидировал их взрывчаткой, нитями вплетенной в его рубашку. Перехитрив блондинку славянской наружности, пытавшуюся его соблазнить, победив туземцев-людоедов на крошечном островке, и, наконец, отбившись во дворце от парашютистов-коммунистов, он вместе с поцелуем дочери султана получил утерянную запасную микросхему для компьютера затонувшей на дне залива экспериментальной модели подводной лодки «Трай-дент».

За сутки, спотыкаясь о незнакомые слова, что-то угадывая, а что-то выдумывая, он проглотил книгу. Решимость овладела им. Он снова открыл одну из глав, где описывалось, как Свингер решает проблему установления скрытого контакта с резидентом ЦРУ в американском посольстве в Джакарте, не зная ни имен, ни паролей, ни телефонов.

Звонить Сима решил с почтампта.

– Алло, это посольство США? Я хотел бы поговорить с атташе по культуре.

– Минуту, соединяем.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Сима Хасанзаде, я начинающий бизнесмен. Но для настоящего дела мне нужны деньги...

– Если вы о кредите, то...

– Нет, нет! Я деньги сам заработаю! Мне не хватает знаний, не могли бы вы порекомендовать что-либо почитать?

На другом конце трубки озадаченно помолчали, но ненадолго.

– Пожалуй, мы сможем вам помочь. Где мы встретимся и когда?

– Давайте в Советском районе, у маркета.

В трубке опять замолчали.

– Где?!

– Видите ли, встреча европейца и афганца там пройдет наиболее незамеченной.

– Гм... Вы правы. Когда же?

– Может, через час?

– Нас устроит. Как вас узнать?

– Я оденусь попроще, – Сима слегка смутился: он намеривался одеть свой лучший, он же единственный, европейский пиджак. – В руке у меня будет пластиковый бидон для воды.

В битком забитом людьми автобусе Сима доехал до госпиталя. На стене висел огромных размеров щит, на котором было изображено, как Бабрак Кармаль участливо кладет руку на грудь раненному, лежащему под капельницей, а тот преданно смотрит в глаза вождю. Дальше Сима пошел пешком.

Он прошел мимо рекламных щитов на перекрестке, расхваливающих безопасные на любых дорогах шины «Иокагама» и трактора «Союзмашэкспорта», мимо ресторана, на котором по-русски и на фарси было написано «Дружба».

Не успел дойти до книжного магазина рядом с редакцией газеты «Кабул нью таймс»...

Не успел дойти до книжного магазина рядом с редакцией газеты «Кабул нью таймс», как вдруг рядом с ним притормозила светлая «Волга», из которой вышел высокий улыбчивый мужчина:

– Вы Сима Хасанзаде?

Встречу Сима представлял немного по-другому, озадачила его и машина советской марки. Он молча изумленно глядел на незнакомца и, наконец, выдал:

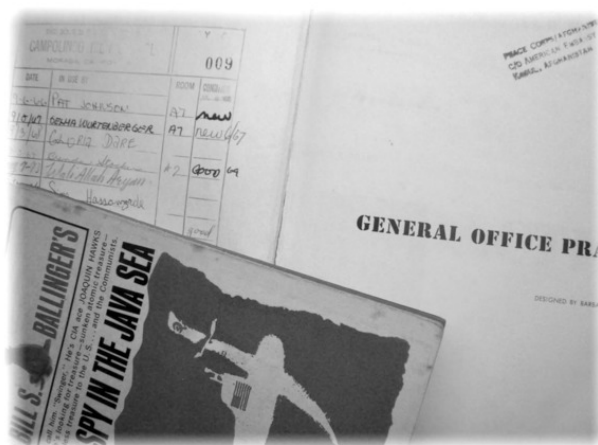
– Йэс, сэр...

– Я привез вам книгу. Но это библиотечный экземпляр. Прошу вас, распишитесь здесь и здесь и оставьте нам свой адрес.

Ошеломленный стремительным напором, Сима нацарапал свою подпись на каком-то листочке и продиктовал адрес своей комнатки, которую он снимал на втором этаже небольшой улочки в индусском квартале. Не прошло и трех минут, как Сима стоял один у дороги, сжимая в руках увесистый том в твердой обложке...

Вечером Сима с трепетом рассматривал книгу, изучая различные пометки и сноски, выискивая, не содержится ли где зашифрованный для него приказ.

На титульном листе стоял лиловый штамп, заявлявший, что книга является собственностью Кэмпполино Хай Скул города Морага, штат Калифорния, а круглая печать ниже гласила, что книга передана американским корпусом мира в библиотеку американского посольства в Кабуле. Особый трепет у Симы вызвал библиотечный формуляр на внутренней стороне обложки, где были записаны имена прежних читателей книги.

Пат Джонсон, Сэм Вортенбергер, Глория Дэйр, Бренда Аточчи, Ваши Аллах Ариан... Сима взял шариковую ручку и с наслаждением вписал в свободную строчку свое имя, а в графе «кондишин» написал «гуд». Он почувствовал себя счастливым, приближенным к аристократическому клубу читателей книги «Женерал курс оффис». Потом к этому чувству приплелась какая-то ревность к некому Вали Ариану, первым прочитавшим эту книгу в Кабуле, но все смыло воображение, представившее перед ним Глорию Дэйр. Он стал фантазировать, о чем бы они говорили, если бы она вдруг зашла сейчас в эту комнату, и чем бы они занялись потом...

Увы, тайного знака в книге не было. Оставалось одно: ожидать, что атташе по культуре как-нибудь за завтраком расскажет другим сотрудникам посольства о необычной встрече, и тот, кто связан с ЦРУ, заинтересуется им, Симой, и завербует его.

Глава 8

К очередной творческой находке командира полка замполит четвертой парашютно-десантной роты старший лейтенант Найденов испытывал противоречивые чувства. В должность командира полка подполковник Озерский вступил два месяца назад, по-тихому.

– Троянский конь. Шизофреник, – угрюмо охарактеризовал Озерского один из его заместителей, подполковник предпенсионного возраста, тонко разбирающийся в людях.

Лишь к концу первой недели Озерский стал делать какие-либо замечания.

– У вас, товарищ майор, пыльные ботинки.

Требования к ботинкам плавно нарастали: патруль по части задерживал солдат с грязными ботинками, рота не могла зайти в столовую, если в строю был хотя бы один солдат с нечищенной обувью. Решив проблему ботинок за неделю, Озерский взялся за отдание воинской чести. Скрытым наблюдением патрулей и последующим наказанием, нестрогим, но неизбежным, он довел полк до того, что честь стали отдавать не только прапорщики, но и (что было вообще невероятным) сержанты сверхсрочной службы, служившие писарями в штабе.

Спустя месяц Озерский обратил свой командирский взор на дисциплину. До него в полку шел схоластический спор между замполитом полка и начальником штаба: в чем причина нарушений воинской дисциплины – в отсутствии уставного порядка и плохой службе наряда, как утверждал замполит, подполковник Джафаров, или в плохой политико-воспитательной работе, как настаивал подполковник Мальцов.

Перманентные драки среди солдат и воровство имущества на продажу до сих пор представлялось неразрешимой проблемой. Озерский решил ее с помощью колючей проволоки. Он стал перекраивать территорию полка, с двух сторон окруженную китайским и французским посольствами, а с двух других – правительственной резиденцией. Была поставлена еще одна сетка, отгораживающая полк от расположения бригады национальной гвардии – и контакты по перепродаже афганским солдатам военного имущества и товаров из военторга резко затруднились.

Территория вокруг сортира тоже была огорожена колючей проволокой, ночью это традиционное место для драк стало освещаться мощными прожекторами. Было взято «под колпак» и другое место, где солдаты могли бесконтрольно общаться между собой, и, следовательно, налаживать «неуставные взаимоотношения» – площадка за столовой, где после приема пищи мыли котелки теплой водой, которая текла из «полариса», инженерного сооружения, сваренного из труб и бочек. «Ответственные» и «контролирующие» офицеры, каждый со своим под-

разделением, слонялись в толпе солдат, посматривая за тем, чтобы каждый сам мыл свой котелок.

Однако «неустановившаяся» не умирала, все межличностные контакты под контроль офицеров поставить не удавалось, сильный по-прежнему давил слабого. Одно время в полку была популярна шутка, когда к офицеру подходил забитый солдат-первогодок и обращался:

– Товарищ капитан, дайте сигаретку!

Получив сигарету или отказ, солдат отходил, чтобы через несколько минут подойти снова:

– Товарищ капитан, дайте сигаретку!

– Кто тебя послал? – приходил в бешенство офицер.

– Никто, я сам захотел, – виновато опускал глаза солдат и отходил в сторону, чтобы еще через несколько минут, повинувшись тому, чья власть сильнее власти закона, снова подойти:

– Товарищ капитан...

Самым оживленным местом после обеда был военторг, маленький щитовой домик. Толпа солдат осаждала вход, особенно после получки. Очереди не было, каждый норовил протолкнуться вперед соседа. Чтобы внести в этот хаос организованность и упорядочить броуновское послеобеденное движение, Озерский перенес место дежурного по части на дорогу в центре полка, рядом с военторгом. Связисты удлиннили провода, стол дежурного по части с двумя телефонами (внутренней связи в полку и ЗАС для связи со штабом дивизии) стоял теперь на дороге под невысокой, но очень густой сосной, которую некоторые называли ливанским кедром.

«С точки зрения интересов службы это гениально, – мрачно подумал Найденов об этой рационализации Озерского, – но с точки зрения, что мне здесь торчать до самой смены...»

Густые ветви защищали от прямых лучей солнца, однако полуденная жара и в тени доставала через горячий пыльный воздух, которым приходилось дышать. Найденов расслабленно сидел на стуле и невнимательно смотрел, как в метрах двадцати свержсрочник из оркестра, присев у журчащего арыка, пытается ловить гуппи, в Союзе – аквариумную рыбку, здесь – привычного обитателя мелких речек и арыков.

За спиной скрипнули тормоза, мягко притормозила машина. Найденов обернулся: из белого «Лендровера» вышли два подполковника в темно-зеленой униформе советских военных советников и полковник афганской армии. Троица направилась к военторгу.

Без особого восторга солдаты пропустили офицеров, уверенно зашедших внутрь, невзирая на прилепленный клейкой лентой листок бумаги с надписью «Советников не обслуживаем». Советники эти служили при штабе бригады национальной гвардии, отсюда же был афганский полковник. Найденов знал, что это зампотех бригады. Однажды он пил с ним вместе чай в одной компании. Познакомил их Славик из шестой роты, прославившийся тем, что на боевых действиях, получив пулю в ногу, вместо того, чтобы стонать от боли, издал по портативной радиостанции вопль: « Ура! Полтора оклада получу!» Славик был контактным парнем, быстро завел себе дружеские связи в штабе национальных гвардейцев и как-то вечером, пригласил сходить на чай к «рафикам»...

...Беседа не вязалась, смотрели телевизор (показывали какой-то индусский праздник). Найденову запомнился лишь красивый небрежный жест афганских офицеров, когда они выплескивали из стакана остатки недопитого чая с крупными темно-вишневыми чайками прямо под ноги, на ковер. Запомнилась и забавная сценка: пришел начальник особого отдела бригады и отдал Славе две магнитофонные кассеты:

– Не понимаю...

Слова эти относились к записям, контрразведчик для расширения культурного кругозора попытался разобраться, что такое «советские блатные песни». Славик же был крупным специалистом: имел двенадцать кассет по полтора часа каждая.

– Блатные – это же песни бандитов? – недоуменно спросил тогда особист. – Но почему тогда вы их так любите?

Славик засмеялся, затем опечалился, вспомнив, что пора искать способ переправить коллекцию в Союз, каждую кассету на границе таможенники прослушивали, а самодеятельность безжалостно изымали...

Вспомнив эту сценку, Найденов улыбнулся...

...Отоварились советники быстро: брали они обычно ящиками, не мелочась. Стоило им выйти, как в не успевшую захлопнуться дверь попытались протолкнуться сразу несколько человек, но их напор был отражен продавцом Лешей, бородатым мужиком, похожим на медведя. Женщин на территории части не было. Как только построили военторг, командир полка, рассудив, что «нет женщин – нет и аморалки», истребовал продавца-мужчину.

Найденов решил вмешаться, упорядочить толпу у дверей.

– А ну, разойдись! – растолкав солдат, он протиснулся к двери и, напустив на себя строгий вид, настоятельно произнес:

– Вы что, никогда не видели в программе «Время» очередь безработных на бирже труда в Америке? Стоят люди, не толкаются, хотя такие же голодные, как вы.

Солдаты заулыбались, но Найденову стало неловко, он почувствовал, что шутка не удалась: улыбки в лучшем случае – результат вежливости, а в худшем – страха, что придравшись к чему-нибудь, офицер вышвырнет из очереди. Он вспомнил услышанный где-то тезис, что юмор у офицеров оттого плоский, что в условиях, где подчиненные из чувства самосохранения подхалимски хихикают от самой бездарной шутки, способность острить не развивается, а наоборот, глохнет.

Неожиданно Найденов заметил солдата своей роты, Борю Загорного, невероятно худого парня, который тоже стоял в толпе, но старался спрятаться за чьей-то спиной. Вспомнив, что час назад Боря уже что-то покупал, он решил сделать вид, что не заметил его, а потом отловить на выходе из магазина.

Снова усевшись за стол дежурного под ливанским кедром, Найденов озабоченно оглядел площадку вокруг магазина: она была замусорена бумажками от югославских конфет и печенья, жестянками от греческих и голландских напитков.

– Верный разведпризнак, что разведывательная рота на боевых, – сказал он задумчиво и кивнул на захлавленную территорию, закрепленную за ротой, находящейся в это в районе Пагмана. Слова эти адресовались капитану Кириллову, полковому переводчику, который в ответ молча лениво кивнул, поудобнее устраиваясь на соседнем стуле, и аккуратно оторвал язычок от жестянки с освежающим напитком «Си-Си» голландского производства. Язычок отделился, издав мягкий щелчок, и отверстие банки задымилось углекислотой.

– Боря, ты ли это? Ну-ка, иди сюда! – крикнул Найденов подчеркнуто радостно, как будто встретил лучшего друга, увидев, как Загорный, выйдя из магазина, пытается скрыться за углом. Услышав голос своего замполита роты, Боря с обреченным видом побрел к столу дежурного по полку. Он шел ссутулившись, прижимая к животу спрятанные под формой покупки.

– Выкладывай...

Расстегнув пуговицы, Боря с несчастным видом стал выкладывать на стол пакетики с карамельками югославского производства, начиненными вишневым джемом, две банки сгущенного молока и пачку австрийского печенья, необычайно легкого, моментально тающего во рту.

– Что, я не имею права купить? – уныло спросил Загорный.

– Конечно, имеешь. Можешь даже съесть.

– Я не хочу здесь. Хочу в роте...

– Ну хоть одну конфетку ты можешь съесть при мне? – зло спросил Найденов, чувствуя, что приходит в бешенство, хотя на несчастного Борю сердиться было нечего. Тот понуро стоял, опустив голову, не решаясь распечатать хотя бы один пакет.

– Что ты уже сегодня купил?

– Тоже самое... – еле слышно пробормотал Загорный.

– Кто дал деньги?

Борис молчал, тяжело вздыхая, и бросая искоса взглядом легкий укор Найденову.

– Сколько у тебя осталось денег с полочки?

– Полтора чека.

– Давай сюда.

Повеселев, Боря достал из кармана потрепанный блокнот и выудил из тайника за обложкой чек ВПТ и еще несколько бумажек – мелочь. Найденов тоже достал из кармана блокнот, раскрыл его на странице, где под заголовком «Кабул кредит банк» в столбик были переписаны фамилии личного состава роты. Найдя фамилию Загорный, в графу «наличные» он вписал: 1,5. Графа «шмотки» у Бори была пуста.

– Значит так... Захочешь поесть – берешь у меня деньги, показываешь, что купил, а потом ешь, желательно при свидетелях из твоего призыва. А теперь ступай, носи это «хозяину»...

Кирилов, молча созерцавший эту сцену, с интересом заглянул в блокнотик Найденова:

– Это что, декларация о доходах?

– Вроде того. Мы ведь на подводной лодке, перевод из дома не шлют. Дембеля отчитываются о доходах, молодые – о расходах.

– Так ведь незаконно?!

– Зато справедливо.

– Ты настоящий коммунист!

– А ты нет?

– Беспартийный...

– Редкий здесь случай, – задумчиво сказал Найденов, глядя вслед направляющемуся к офицерскому модулю Кириллову.

Это был действительно редкий случай: в Афганистан беспартийных офицеров, как правило, не посылали – это была война для коммунистов.

Глава 9

– Будешь, Тарасов, служить в дисбате, – такими словами оглушил капитан Зубов Тарасова через день после возвращения из колонны.

Тарасов сначала обомлел: неужто Зуб в самом деле прокурору стуканул? Но потом успокоился, узнав, что в понятие «дисбат» Зубов вложил всего лишь отстранение от машины и перевод во второй батальон этого же полка на должность простого стрелка. Второй батальон занимался в основном караульной службой, а для привыкших к самостоятельности водителей служба на постах, да еще через день, воспринималась как «дисбат». Зубов опасался, что происшествие на дороге вскроется, и предпочитал, чтобы к этому неприятному моменту Тарасов числился в другой роте.

Дезинфекция постельных принадлежностей

Друзья посмеялись над неудачей Тарасова, он же бодрился:

– Ничего, старикам везде у нас дорога, старикам везде у нас почет...

Служба четвертой роты оказалась не такой уж тягостной, как он себе представлял ранее. Почета ему не оказали, но уважение было. Новый призыв – это само собой, а дембелям, среди которых держали «фишку» сержант Андрианов и механик-водитель отделения Куцый, он пришелся по душе тем, что так умело рассказывал дорожные приключения, что и слушать было интересно, и их авторитет не умаляло. То, что его приняли за своего, Тарасов понял, когда за ним закрепили «духа».

– Бери себе, Славик, Борю. Все должно быть организовано. Передавай ему славные боевые традиции, – веско сказал высокий, слегка толстоватый Куцый и, обернувшись к Нагорному, с сожалением и даже с некоторым сочувствием изрек: – А ведь ты, Боря, никогда человеком, то есть дембелем, не станешь. Неспособный ты.

– Ну почему же! – возразил тогда Андрианов и обосновал: – Еще великий Гегель сказал, что путь к свободе лежит через рабство. Только тот, кто познал состояние раба, может стать свободным, со временем конечно... А в качестве раба Боря справляется неплохо.

Будешь, Тарасов, служить в дисбате, – такими словами оглушил капитан Zubov Тарасова через день после возвращения из колонны. ..

Сержант Андрианов, заместитель командира первого взвода, был крупным теоретиком. Кое-что ему досталось от отца-майора, замполита авиационной части в Подмосковье, кое-чего набрался сам. Борю ему под чужое влияние отдавать не хотелось. Мать у Андрианова тяжело болела: давление часто повышалось. Отец написал, мол, от гипертонии очень помогают японские магнитные браслеты, которые, как он слышал, свободно продаются в Кабуле, так не мог бы ты, сынок, купить... «Свободно продаются» – прочитав это, Андрианов зло усмехнулся. За желанным для матери подарком стояли три проблемы: где взять афгани, как купить в городе браслет, как переправить через границу в Союз. Все три этапа были связаны с нарушением законов. В решении первой проблемы он и намеривался использовать Борю (самому «делать афощки» перед дембелем считал неразумным). «Ничего, – подумал Андрианов, – сработаем через Яшу Гирина, он комсомольский секретарь, поэтому вне подозрений».

Однако, была у Тарасова черта, которая не понравилась Андрианову, как замкомвзводу, непосредственно отвечающему за внутренний порядок в расположении взвода: если на пути Тарасова стояла табуретка, то он не обходил ее, как все, а отбрасывал ударом ноги. Андрианов слегка злился, но и немного завидовал той естественности и идущей от души непринужденности, с какой Славик Тарасов пинал ботинком ни в чем не повинную мебель.

Да, жить-служить в четвертой роте можно было, но что очень огорчило Тарасова, так это то, что в той же четвертой роте служил старший лейтенант Олегов, бывший у него старшим машины в тот злополучный день. Неприятной была их первая беседа. Несколько дней Олегов не подходил к Тарасову, но в очередном карауле, когда Славик стоял на посту в автопарке, уныло наблюдая, как рота материального обеспечения собирается в очередной рейс, тот появился перед ним, проверяя посты.

– Товарищ старший лейтенант, за время несения службы на посту происшествий не случилось! Часовой третьего поста рядовой Тарасов...

Олегов кивнул головой, отослал разводящего, вместе с которым ходил по постам проверять колючую проволоку, и сразу в лоб спросил:

– Ты знаешь, во сколько мне обошлась та колонна по твоей милости?

Не моргнув глазом, Тарасов ответил:

– Вы были старшим машины, должны были следить за соблюдением мною правил дорожного движения и не допускать превышения скорости. А как вы могли следить, если вы, извиняюсь за подробность, были пьяны? Надышавшись исходящих от вас винных паров, я потерял на минуту сознание, что и послужило причиной дорожно-транспортного происшествия.

Олегов дернулся, как бы замахиваясь для удара, но взял себя в руки:

– Ты, падла, еще запомнишь эту беседу!

– Товарищ старший лейтенант, ну зачем же так, давайте по-хорошему, – миролюбиво сказал Тарасов. – Я ж понимаю, что давить людей в Кабуле больших денег стоит, но сами посудите, какие у меня сейчас возможности? Гнию на постах! Кстати, а во сколько вам обошлось?

– Еще и не обошлось. Если не рассчитаюсь – может вскрыться. А вообще-то, пять тысяч чеков, или сто тысяч афошек.

Сумма произвела впечатление на Тарасова, он замолк. Разводящий, осмотрев забор вокруг парка, уже направлялся к Олегову.

– Товарищ старший лейтенант, – скороговоркой, чтобы успеть до подхода разводящего, проговорил Тарасов, – по мере сил и возможностей, я постараюсь, но и вы помогите, в караул меньше ставьте...

...Служба в ночных патрулях была попроще и повеселее, чем в карауле. Лязгая гусеницами, боевая машина мчалась по улицам ночного города. Испуганно колыхались занавески на окнах, сжатый в руках автомат рождал чувство уверенности. Перекресток, на котором до утра должен стоять ночной пост, приятно пах дынями от близлежащих лавок зеленщиков.

Лучшее время суток и года в Кабуле – летняя ночь. Так размышлял Тарасов, ожидая, когда начальника патруля, техника соседней роты, прапорщика Батулявичуса, начнет клонить ко сну.

– Товарищ прапорщик, что мы все стоим, давайте по маршруту проедемся!

Батулявичус смачно зевнул и задумался: ехать или не ехать. Спать ему было нельзя, в любую минуту мог появиться БТР коменданта зоны с проверкой. Но спать хотелось, на часах два ночи, а комендантский час до пяти.

– А что, и проедемся...

– Можно, я в командирскую башню сяду?

– Садись, – охотно согласился Батулявичус, – а я тогда внутри пристроюсь.

Фыркнув и перебив дынный запах ароматом соляного угара, завелась боевая машина десанта. Тарасов сел на башню, а напарник по патрулю уселся на силовом отделении; его голова на тонкой шее болталась из стороны в сторону под тяжестью каски.

– Поехали по маршруту! – скомандовал Тарасов механику-водителю и показал палец. Тот понимающе кивнул головой, машина взревела и тронулась с места, набирая скорость. Солдаты царандоя, дежурившие на другом конце перекрестка, махнули вслед рукой. Проехав квартал, механик переключился с третьей передачи сначала на вторую, а затем на первую. Тарасов же, убедившись, что Батулявичус спит, устроившись на жесткой скамейке десантного отделения, осторожно перебрался на силовое отделение и на глазах испуганного Бори Нагорного на ходу спрыгнул с боевой машины. Он метнулся к тротуару, подбежал к облюбованной ранее двери дукана, на ходу перекидывая автомат за спину, и выхватил из-под бронезилета небольшой ломик. Дрожащими от волнения руками попытался вставить в замочную скобу монтировку и ужаснулся: до чего же громко он работает. Хоть и на первой передаче, БТР неуклонно уползал, грохот гусениц и двигателя плавно затихал, без шумовой завесы ни о каком взломе нечего было и думать.

– Черт тебя побери, – шепотом выругался Тарасов и лег на тротуар к самой стене, стараясь вжаться в асфальт, стать невидимым, в тоже время понимая, что первая же машина высветит его фарами. Да и без фар достаточно будет тусклой лампочки, висящей на электрическом шнуре почти прямо над ним.

«Кто не рискует, тот не пьет шампанское», – зло подумал Тарасов и, стараясь не производить шума, осторожно снял со спины автомат, напряженно ожидая, кто же раньше проедет по улочке: подвижный патруль царандоя или своя БМД. Сердце бешено колотилось, он напряженно вслушивался в тишину, прерываемую очень далекими выстрелами. Услышав нарастающий лязг гусениц, Тарасов почувствовал, как кровь у него вскипает от азарта. Еще минута, другая... Он вскочил, вставил в дужку замка монтировку и, когда грохот за спиной достиг апо-

гея, рванул стальной рычаг. Хрупкий чугун китайского замка «Белая цапля» хрустнул, Тарасов рванул дверь на себя, заскочил в комнату, прикрыл за собой дверь и выхватил из кармана узкий, как карандаш, китайский фонарик...

Боря Загорный трясся, охваченный лихорадкой страха. Не отчетливо понимая, что же происходит, он все же понимал, что происходит что-то страшное. «Только бы все обошлось», – молился он каким-то злым богам, покровителям убийств и грабежей. До боли в глазах он вглядывался во тьму, приближаясь в третий раз к тому месту, где спрыгнул с боевой машины Тарасов. Увидев его живым и невредимым, Загорный облегченно вздохнул и, испытывая неописуемую радость, что все обошлось прямо-таки благополучно, помог загрузить мешок в машину.

– Там никого не было? – спросил Боря, счастливо улыбаясь.

– Конечно же, нет! – засмеялся Тарасов и, подмигнув Боре, достал что-то из кармана. – Держи, это тебе, бакшиш.

Боря, поднеся к глазам картонку, покраснел, что, впрочем, при свете звезд и редких уличных фонарей не было видно – с упаковки иностранных презервативов ему задорно улыбалась обнаженная красавица, заманчиво выгнувшаяся в необычной позе.

Глава 10

— С поста не уходить. По дуканам не ходить. Бронежилет и каску не снимать... – монотонно перечислял требования к инспектору ВАИ помощник коменданта Кабульского гарнизона капитан Гусейнов.

Стоя в строю заступающих в наряд, Олегов внимательно слушал поучения, тревожно поглядывая при этом через стену, где на асфальтированной дорожке еще один помощник коменданта, прапорщик Бочков, осматривал выстроенные машины. Тот проверял, нанесена ли на заступающих в наряд машинах красно-белая опознавательная полоса ВАИ, а заодно высискивал, нет ли в машинах чего-либо припрятанного на продажу.

К концу недолгого инструктажа Бочков торжественно передал коменданту улов: полиэтиленовый пакет, в котором россыпью лежали с полсотни пачек сигарет «Ростов».

– Мои сигареты, что хочу с ними, то и делаю! – срывающимся от волнения голосом пытался возражать молодой лейтенант-танкист.

– Это попытка спекуляции, я вас снимаю с наряда, – комендант был непреклонен.

Лейтенант растерянно возразил:

– Товарищ подполковник, но я ведь еще ничего не продал...

Комендант снисходительно улыбнулся:

– Будешь доказывать это своему командиру полка.

Затем, обернувшись к стоящим в строю офицерам и прапорщикам, настоятельно поднял палец и сказал:

– Так будет с каждым, кто попадется, а, может быть, и хуже...

Жизнь в утреннем Кабуле кипела. ГАЗ-66, в котором ехал на пятый пост ВАИ Олегов, мчалась по Мейванду, обгоняя тихоходные мототакси и обшарпанные автобусы. Впереди, почти по осевой линии, мчался огромный грузовик «Мерседес». Олегов невольно засмотрелся на него: тот был весь разрисован, разукрашен узорами, бахромой, лентами. На небольших, довольно грубо исполненных рисунках взлетал самолет необычной конструкции, по морю плыл корабль, шла вереница слонов, цвели сказочные растения, распускали хвосты павлины. Все эти художества отражали то ли впечатления хозяина «Мерседеса», то ли его мечты. Не менее необычным был и груз: быки, которым нужно было пригибать головы, чтобы не задеть рогами потолок, который служил полом для второго этажа, где теснилось полтора десятка испуганных овец. Но и это было еще не все. Третьим этажом на грузовике ехали люди, человек восемь, обложившиеся тюками, вязанками хвороста и сучковатых дров, купленных, по всей видимости, на перевале.

Грузовик шел близко к центру дороги, не давая места для обгона.

– Щас я его сделаю! – уверенно сказал водитель и пошел на обгон справа, будучи глубоко убежденным, что в условиях необъявленной войны правила дорожного движения не действуют.

Олегов нервно глянул на спидометр и прикрикнул на водителя:

– Полегче, сбрось скорость!

Водитель обиженно пожал плечами, но спорить не стал. За дорогой Олегов больше не следил, увлекшись разглядыванием вывесок мелких магазинчиков и пестрой толпы. Разнообразие городской жизни бодрило и волновало: ковры, расстеленные почти на тротуаре, вереница слонов в узком переулке, невиданная в Союзе сверкающая никелем радиоаппаратура за широким стеклом витрины, аромат шашлыков, вдруг мелькнувшая среди вывесок на английском и персидском надпись «Советская книга», развивающаяся шерсть дубленок в меховом ряду, афиши индийских фильмов у кинотеатров, оранжевые груды мандаринов, желтые и рубиновые цвета напитков на лотках в сверкающих на утреннем солнце графинах, девушки-лицеистки

в черных платьях с белыми воротничками, сиреневые, белые, желтые чадры женщин, ослепительно-белые тюрбаны стариков, побывавших в священном городе Мекке...

– Приехали.

Место, где должен стоять пятый пост ВАИ, слегка разочаровало Олега: двухэтажные дома у пыльного перекрестка, бесконечная вереница машин, теснившиеся одна к одной лавки, дуканы.

На пыльном перекрестке...

– К машине!

Из кузова тяжело выпрыгнули, сгибаясь под тяжестью бронежилетов, два солдата, назначенные в помощь Олегу.

– Может, мы без броников? – спросил тот, о котором Олег знал, что он из минометного взвода их батальона.

– Горя для меня хотите?! Комендант через каждый час проверяет, так что без всяких фокусов. Держаться вместе, от машины не отходить, смотреть все время на меня. Понятно?

– Не в первый раз, – пробурчал второй патрульный, угрюмый, широколицый парень.

Олег вскинул на плечо автомат, поправил повязку на левой руке с надписью «ВАИ», перехватил поудобнее черно-белую палочку регулировщика дорожного движения и, осматривая перекресток, неторопливо пошел к углу, где под навесом в тени стояла выщербленная эмалированная ванна, залитая водой, из которой заманчиво выглядывали бутылки «Кока-колы» и «Спрайта».

– Командор, как дела?

Олег вздрогнул и обернулся, хотя вопрос этот за время службы в Кабуле слышал уже множество раз. Перед ним стоял парнишка лет восьми, одетый в холщовые штанишки и длинную черную рубашку.

– Хуб.

– Командор, что есть?

Олег оценивающе оглядел мальчишку, невольно прикидывая, много ли в Союзе таких недорослей, способных на чужом языке завязывать торговые сделки. Он пожал плечами, ничего не ответив.

– Бензин есть?

Олег улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Стушенка есть?

– Нет.

– Конфеты есть?

Олег достал из кармана карамельку и протянул мальчишке. Тот взял, пренебрежительно улыбнулся и начал вторую серию:

– Командор, что надо? Водку надо?

– Нет, – Олегову даже неудобно стало, что мальчишка старается, а он все отказывается, но нужно было сначала присмотреться. Парнишка, потеряв интерес к Олегову, как к покупателю, уже по инерции спросил:

– Джинсы надо? Батник надо? Кассеты надо? – после чего выдал то, чего Олег не ожидал: – Командор, если шурави будут ехать сюда за водкой, посылай их к Ивану. Двадцать бутылок продадим – двадцать первая твоя!

После этой тирады, произнесенной очень убедительно, с выражением, он махнул рукой в сторону дукана возле водопроводной колонки. Олег обернулся и обомлел: на пороге стоял индус в черной чалме и приветливо махал рукой, зазывая в магазин, на стеклянной витрине которого славянской вязью было написано «Магазин Ивана».

– Это он, что ли, Иван? – весело спросил Олег.

– Да, он, – важно ответил мальчишка, – а я его брат, меня зовут Ваня.

– Ну, Ваня, тогда надо зайти, – серьезным голосом (внутри давясь от смеха) сказал Олег.

Он зашел в дукан, пожал руку Ивану и, опережая его расспросы, заявил:

– Ничего не продаю, ничего не покупаю.

Иван кивнул чалмой, достал из маленького холодильника бутылку «Фанты», откупорил ее и подал Олегову. Ежедневное задабривание инспектора ВАИ было у него плановыми, необходимыми издержками. Если инспектор будет педантично нести службу на перекрестке, он не разрешит советским машинам останавливаться на этом бойком перекрестке, а это означало бы конец выгодной торговли. Олег бегло, чтобы не выдать жадный интерес, осмотрел витрины, заполненные теми мелочами, которые не под силу тяжелой на разворотах советской индустрии, и пошел к стойке, заставленной кассетами с музыкальными записями. Западные рок-группы перемежались со звездами индийской, японской и тайландской эстрады. Олег стал выискивать, что из советской музыки имеет рыночную стоимость по мнению кабульских индусов. Оказалось, не густо: Алла Пугачева, Юрий Антонов, «Машина времени», Анна Герман и неизвестная ему группа «Каданс» из Прибалтики. Увидав кассету с шифром «РЮС» и надписью «Марк Рубашкин», он вопросительно глянул на индуса и ткнул в нее пальцем. Тот с готовностью подошел, достал кассету из-под стекла и протянул Олегову.

– Чан пайса? – спросил Олег.

– Не надо денег, бери так. А не понравится – поменяешь на другую.

Разомлев от сервиса и обходительности «Ивана», Олег вышел из прохлады магазина на солнцепек перекрестка. К нему подъехал на велосипеде еще один пацаненок, такой же смуглый, похожий на цыгана, как и первый. Соскочив с велосипеда, он подошел к Олегову, улыбнулся и в упор спросил:

– Что тебе обещал Иван? Одну бутылку после двадцати? Миша с Сережей дадут одну после пятнадцати.

Ошарашенный Олег оглянулся по сторонам и только после этого заметил на другой стороне надписи на витринах: «Магазин Миши» и «Сережин магазин».

– Они тоже индусы? – сглотнув слюну, зачем-то спросил он.

– Здесь в блоке все индусы, – улыбчиво ответил мальчишка.

С минуту поколебавшись, Олег сказал:

– Домкрат.

– Пять тысяч.

– Всегда было пятнадцать.

– Больше восьми никто не даст, – с сожалением сказал мальчишка, перехватывая поудобнее руль велосипеда, готовясь к долгому торгу.

– Иван даст двенадцать.

Мальчишка вздохнул:

– Покажи Сереже, но больше десяти нигде сейчас не дают, в городе германские появились.

Олегов подошел к машине, растолкал спящего в кабине водителя и сказал:

– Ну-ка, открой...

Недовольный, что его разбудили, с покрасневшим от неудобной для сна позы лицом, водитель выкарабкался из кабины. Он открыл маленький висячий китайский замочек, запиравший ящик для запасного инструмента, где был спрятан домкрат, плохо лежавший до вчерашнего вечера в кладовке у техника роты, прапорщика Василенко. Испытывая некоторую неловкость из-за того, что события происходят у всех на глазах, Олегов достал домкрат и передал его мальчишке, который опытным взглядом коммерсанта эту неловкость уловил, и тут же прикинул, насколько это позволит сбить цену.

«Сережа» выглядел точно так же, как и «Иван»: такая же черная чалма, такой же художавый, таких же темных тонов одежда. «С виду все – братья, а оказывается – конкуренты», – подумал Олегов, глядя, как индус Сережа отсчитывает купюры.

– Девять тысяч. Что купишь, командор?

Олегов невесело оглядел ширпотребовское изобилие и ответил:

– Ничего.

– Зачем же тебе афгани? – удивленно спросил Сережа. – У меня все есть, а чего нет – подожди пятнадцать минут, и все будет.

– Надо долг отдать.

Сережа уважительно кивнул головой и, вежливо улыбнувшись, спросил:

– А большие у шурави командора долги бывают?

– А большие у шурави командора долги бывают?

Олегов усмехнулся (не деньгами, так долгами похваюсь):

– Сто тысяч.

Лицо у индуса стало серьезным, улыбка исчезла. Он внимательно, изучающе посмотрел Олегову в глаза и деловым тоном сказал:

– Поговорим? – и, отодвинув бамбуковую занавеску, жестом предложил войти в соседнюю комнату.

– А если комендант с проверкой?

Индус понимающе кивнул головой и махнул рукой мальчишке, который мгновенно исчез. Будь, что будет, решил Олегов и шагнул через порог.

Глава 11

Старшему оперуполномоченному КГБ при войсковой части 24724

Объяснение

По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее:

Двадцать шестого июня сего года я, рядовой Костров, вместе с рядовым Тарасовым и старшим лейтенантом Олеговым заступил в наряд по ВАИ, на пост номер пять. Первые два часа службы ст. л-нт Олегков провел в дукане индуса по имени Иван, где ел жаренную картошку, пил «Кока-колу» и голландское пиво в банках. Потом к нему подошел бача лет десяти-одиннадцати. Бача предложил ему стать на перекресток и начать работать, то есть останавливать советские машины и проверять их исправность и документы. За каждую машину, которую он проверит, бача обещал пять афганей, но Олегков сказал, что за такие деньги не собирается потеть и глотать пыль. Они сторговались на десяти афганях за каждую машину, но тут в разговор вмешался Иван, дукандор. Он сказал баче, что у него тогда за день бакишии будет меньше и потребовал с бачи тысячу афганей. Тот достал из кармана пачку купюр по пятьсот афганей и несколько отстегнул дуканицику. Олегков тут же сказал, что раз дукандор сделал деньги на нем, то пусть отдаст половину. Иван отдал. Только после этого они начали службу. Олегков останавливал и проверял машины, а бачата в это время старались скрутить с машины габариты, слить бензин или незаметно забраться в кузов, чтобы потом на ходу сбросить какой-нибудь груз. С одной машины им удалось сбросить два мешка муки, а с другой – какой-то зеленый ящик. За день мы осмотрели несколько десятков машин.

Рядовой А. Костров.

Есть бумажка – должна быть и папочка, а папочка просит еще бумажек. К такому философскому выводу пришел Михал Михалыч, полковой «особист», дочитав лежащий перед ним листок. Однако надо было решить, в какую папку его положить. В папочке «Костров» он поместил происхождение бумаги, но вот как ее использовать дальше? Можно завести папочку «Тарасов» или «Олегов», но доказывать вину – хлопотно, а чаще всего невозможно из-за круговой поруки. Была одна очень перспективная задумка: завести папочку с надписью «Найденов», и Олегков может ее наполнить, лишь бы взять его на крючок...

Найденова он пригласил на одиннадцать часов, время было рассчитано точно: чтобы тот успел поволноваться, «дозреть», и в тоже время не смог сосредоточиться, так как непосредственно до одиннадцати в роте шли политзанятия, а беседу с личным составом проводил как раз Найденов.

Оснований для конкретной беседы накопилось более чем достаточно, но информация, которую Михал Михалыч образно любил называть «хлебом оперативной работы», нужна была исчерпывающая. Олегков с Найденовым жили в одной комнате, где, кроме них, еще жили старшина и техник роты. Информация от рядового Кострова была очень ценна, но Олегков в перспективе, как сосед по комнате, смог бы «просветить» не только Найденова, но и ящик из-под боеприпасов, лежащий у того под кроватью, а этот ящик как раз сейчас очень интересовал Михалыча.

– Разрешите... – послышалось за дверью после легкого стука.

Дверь была заперта изнутри. Кроме основного кабинета в офицерском модуле, по иронии судьбы имевшего номер шесть, Михал Михалыч истребовал у командира полка комнату в подвале казармы второго батальона, расположенной на территории президентского дворца. Второй парашютно-десантный батальон, охранявший эту правительственную резиденцию, где,

кстати, жил Бабрак Кармаль с супругой, находился в некотором отрыве от остальных подразделений полка, размещавшегося за стенами дворца, что затрудняло контакты с осведомителями.

Михал Михалыч подошел к обитой железом двери и открыл. На пороге, как и ожидал, стоял Найденев.

– Через порог не здороваюсь, плохая примета. Заходи, – улыбнулся Михалыч.

Найденев слепо озирался: после солнечного света снаружи подвал казался необычайно темным и мрачным, кроме стола и двух табуреток в нем ничего не было, запах пыли почему-то отозвался бурчанием в желудке.

– Садись, у меня к тебе просьба. Ты книжку интересную достал. Покажешь?

Спрашивал Михал Михалыч извиняющимся, просительным тоном, как бы сожалея, что беспокоит вызовом из-за ерунды.

– Товарищ майор, всегда пожалуйста! – с готовностью ответил Найденев. – Только вот какую? У меня их много...

На душе у него полегчало, но не надолго.

– Да пухленькая такая, на ней еще колючая проволока нарисована, обложка черно-белая такая... Помнишь?

Сердце у Найденева дрогнуло. «Раз особист все знает, отпираться не буду», – решил он.

– Конечно, помню. У меня в сундучке лежит. Когда принести?

– Времени, понимаешь, нет. Пошли сейчас.

Залитый солнцем двор ослепил, как вспышка электросварки. Казарма же, из-за толстых стен сохранявшая прохладу в любую жару, встретила их полумраком. Дневальный у входа вяло шевельнулся, имитируя строевую стойку. Он стоял сгорбившись; бронежилет, каска и автомат висели на нем, как на вешалке.

– Не прислоняйся к стене. И руки вымой, – через плечо бросил ему замечание Найденев.

По темному коридору прошли, осторожно ступая по середине, стараясь не зацепиться за бронежилеты и рюкзаки, набитые патронами и гранатами, которые лежали двумя рядами вдоль стен, т.к. после занятий рота занималась строевой подготовкой на плацу.

В комнату, где жили офицеры и прапорщики роты, Найденев вошел первым и сразу направился к своей кровати, стоящей у окна. Михал Михалыч шел за ним лениво, без интереса. Сел на соседнюю кровать, над которой висела репродукция картины Шишкина, вызывающая в этих краях тоску и грусть: сосновый лес и ручей. Михал Михалыч вдруг вспомнил, что эту репродукцию как-то показывали в передаче «Что? Где? Когда?», предлагая определить, в какую сторону течет ручей. «Действительно, куда?» – подумал он, но понял, что отвлекается от дела. Осмотрелся по сторонам и спросил:

– А что обои у вас все в дырках?

Найденев, возившийся с замком, который вдруг заклинило, отозвался через плечо:

– По случаю достали обои для своей комнаты и поклеили их мучным клейстером. Все дворцовые мыши теперь наши. Вон, кормушку сделали в углу, чтобы обои не жрали и по одеялу ночью не бегали.

Михал Михалыч посмотрел в угол, куда кивнул Найденев, и усмехнулся: там лежали обгрызенные обломки безвкусного печенья, обычно выдававшегося офицерам в дополнительной пайке. Открыв, наконец, замок, Найденев рывком вытащил из-под кровати большой зеленый ящик от РПГ, традиционно использовавшийся, как сундучок для личных вещей. Демонстративно, чтоб доказать, что ему нечего скрывать, но в тоже время без вызова, чтобы подчеркнуть, какое малое значение он придает этому случаю, Найденев откинул крышку. Михал Михалыч цепко оглядел содержимое: куртка в шуршащей полиэтиленовой упаковке, джинсы, несколько консервных банок с сыром и сгущенным молоком, тельняшка и с десяток книг. «Негусто», – подумал Михалыч, но тут же рассудил, что нестандартное поведение, в том числе и непрактичность, повод если не для подозрений, то для размышлений.

– Эта?

Найденов протянул толстенькую, небольшого формата книгу, обложенную в газету, на которой шариковой ручкой довольно коряво было написано «Пушкин». Михал Михалыч взял книгу, открыл титульный лист и, шевеля губами, прочел надпись на английском языке: «Архипелаг ГУЛАГ».

– Эта, – он кивнул головой и добавил: – Пошли, оформим, а то как я объясню, откуда у меня книга...

Найденову стало не по себе. Он плелся за собеседником обратно в подвал, тоскливо размышляя, кто же его заложил и какие могут быть для него последствия.

– Что написать? Объяснительную?

– Называется «объяснение». Начни так: «По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее...» Купил-то где?

– В книжном дукане, напротив «стекляшки», что возле «зеленки».

– Почему?

– Сто пятьдесят, дешевка.

– Зачем?

– Изучать английский.

– Специально ездил?

– Нужен был англо-русский словарь, инструкцию к магнитофону перевести.

– А обернул зачем?

– Чтоб в глаза не бросалась.

– Знал, значит, что это за книга, скрывал, значит, – сокрушенно сказал Михал Михалыч и добавил: – Это тоже напиши. Зачем обернул, зачем написал «Пушкин», кому пересказывал...

Найденову показалось, что у него начинает кружиться голова.

– Да что тут такого? В «полтиннике» с боевыми мешками приносят эту книжку, причем на русском языке...

– У кого видел? – вопрос был задан мягко, но Найденов почувствовал, что Михалыч, лучший шахматист полка, выигравший соревнования среди офицеров в прошлое воскресенье, обыграл его, как ребенка. Нужно было как-то выкручиваться.

– У Овчаренко, прапорщика, инструктора по комсомолу в политотделе.

Найденов действительно видел «ГУЛАГ» карманного издания на русском языке. «Духи», отступая, порой подбрасывали их на горных тропах для расширения кругозора советских военнослужащих. Книжки эти, толщиной в два спичечных коробка, отпечатанные на тончайшей бумаге миниатюрными буквами, собирались и уничтожались с составлением актов. Миша Овчаренко был хорошим парнем, он уже заменился в Союз. «Хоть бы он никогда не узнал об этом позоре», – подумал Найденов.

– Никому не пересказывал?

– Никому.

– Кстати, а где Олегов сейчас?

– В городе, заступил в наряд инспектором ВАИ. Что, будете допрашивать его?

– Ты извини, положено. Скажи вечером ему, чтобы зашел. Может, в шахматы сыграем?

– Нет, товарищ майор, в другой раз. Я пойду?

– Счастливо.

Михал Михалыч встал, пожал вспотевшую руку Найденова, проводил его до двери и серьезно, глядя прямо в глаза, сказал:

– Спасибо. Благодарю за помощь.

Глава 12

Уперев приклад покрепче в плечо, Сима прицелился, поймал в перекрестие сначала лавку зеленщика, заставленную луком, помидорами, кандагарскими гранатами, мандаринами и прочей снедью, затем перевел перекрестие на «Тойоту» желто-белой раскраски, на скучающего небритого парня, безучастно стоявшего у стены. Сима рассмотрел его с ног до головы, сместил прицел влево и увидел советского офицера с красной повязкой на рукаве и палкой регулировщика в руке.

Чувствуя себя настоящим охотником, Сима прицелился. Офицер, надвинув на глаза выцветшую панаму, ссутулившись, стоял на обочине, лениво помахивая черно-белой палкой. Чуть в стороне, в тени, потели в бронежилетах его патрульные.

«Отличная машина», – подумал Сима и нажал на спуск. Затвор мягко, почти бесшумно, клацнул. Офицер снял панаму и вытер платком пот со лба. «И взводить самому не надо», – размышлял Сима, снова прицеливаясь. Офицер вдруг кому-то кивнул. Заинтересовавшись, Сима скользнул прицелом вправо и понял, что кивок предназначался небритому парню, явно проявляющему какое-то беспокойство. На всякий случай, повинуясь интуиции, Сима нажал на спуск, оставив изображение ничем не приметного парня на американской фотопленке.

Офицер оживился, посмотрел по сторонам и, одной рукой приподняв жезл регулировщика, в другой придерживая автомат за ремень, вышел на проезжую часть.

Тяжело гася скорость, в пяти метрах перед ним остановилась автоцистерна, окрашенная в зеленый цвет. Водитель и сидевший рядом с ним военный вышли из кабины. Первый стал рыться в карманах, а второй, видимо, его начальник, стоял рядом и потягивался, расправляя затекшие конечности.

«Проверка документов», – догадался Сима, еще раз деловито клацнув затвором фоторужья. Покончив с документами, начальник патруля подошел к кабине, открыл дверцу, подергал руль, перегнувшись, сунул руку туда, где должны быть педали, что-то там пощупал и медленно пошел вдоль машины, осматривая ее.

«Проверяет исправность, – усмехнулся Сима, – сейчас посмотрит, виден ли номер, в каком состоянии индикаторные лампочки, и отпустит». Водитель и его начальник понуро брели за инспектором. Вдруг Сима замер от волнения: тот самый небритый парень змеей скользнул в кабину и схватился за рычаги, тут же пронзительно заверещали мальчишки за машиной, и приглушенно бахнул взрыв. Патрульные, до сих пор лениво и безучастно жевавшие резину, вздрогнули, на ходу сдергивая с плеча автоматы, бросились к месту происшествия, которое было скрыто от Симы бензовозом. Машина тут же взревела и, быстро набирая скорость, рванула в противоположную сторону.

– Стой! Дриш! – донесся до Симы голос начальника патруля, который, пробежав за бензовозом несколько метров, остановился и вскинул автомат. Подоспевший солдат царандою ударил по стволу, не давая стрелять в бензовоз, и тут же рухнул, сбитый с ног ударом приклада советского солдата.

Вокруг быстро собралась толпа и заслонила место происшествия. Сима же все щелкал и щелкал затвором, чувствуя, что снимает нечто необычайно ценное для своих новых хозяев. Он бережно положил фоторужье на тюфяк в углу комнаты, служивший ему кроватью, и тяжело сел на единственный табурет. Он был взволнован, невероятность происшедшего не укладывалась у него в голове.

«За пленку попрошу десять тысяч и куплю европейский синий костюм, как у настоящих бизнесменов. На рукавах у меня будет по три пуговицы», – мечтательно подумал он.

Глава 13

...Зелень оазиса, вдруг открывшаяся с очередной гряды, показалась миражом. Но миражей в этом краю не бывает, это я знал точно. Бойцы оживились, перематывали портянки и обмотки не торопясь, давая ногам отдохнуть перед последним переходом на сегодня. Это был даже не городок – всего лишь большой кишлак, ничего особенного, за полгода мы прошли десятки таких. В котловине между горами – речушка, почти ручей, вокруг нее – сады, дувалы. Бойцы мои, конечно, рады были отдохнуть хотя бы день у зелени, у воды. Я тоже был этому рад, хотя неизбежные при этом смычки с населением, настойчиво рекомендуемые Реввоенсоветом фронта, доставляли мне немалые хлопоты. До этого я год воевал на Восточном фронте, там были свои проблемы с местным населением, ну, а здесь – свои. Мне не нравилась запуганность населения. А отдельным моим красноармейцам просто за удовольствие было подойти к какому-нибудь торговцу, прицениться к вышитому персидскому платку и с наглой улыбочкой да притворной слезой повздыхать, что, мол, и купил бы, да денег нет, а при этом, как бы невзначай, затвором винтовки пощелкать, поиграть. Торговец, конечно, при этом улыбается до ушей и с радостью делает подарок. Отряду своему я объяснил, что это злоупотребление данными нам полномочиями и очернительство в глазах трудящихся Востока Советской власти. А поскольку не всех удалось убедить словом, я пообещал расстрелять того, кто попадется на мародерстве и вымогательстве. И пошел я, значит, к старейшине всех кишлачных торговцев с просьбой дать нам под расписку овощей и фруктов, а заодно предупредить, чтобы моим парням в лавках ничего не давали, потому как шитый золотом платок у одного – это зависть у десятерых, а в коммунизм мы должны войти, забыв об этом чувстве. У старейшины этого был, по современным понятиям, универсальный магазин, продавалось все, от изюма до гвоздей. Разговариваем мы, а глаза мои притягивает ожерелье из прозрачных сверкающих камней. Никогда такого не видел. Золото видел, оно тусклое и желтое. А тут и звезды, и радуга, и холодный родник одновременно. Так вот, веду я политбеседу, что теперь не надо бояться человека с ружьем, то есть нас. А старик качает головой, мол, война идет, и вы воевать, а, значит, и убивать пришли. Я же говорю, что мы совсем другие, мы не войну, а мир принесли. А тот в ответ: никогда до сих пор для этого люди с оружием не приходили. Я совсем разгорячился, говорю, мол, смотри, старик, в будущее, время нас рассудит. И тут старик спрашивает, уверен ли я в своих словах, не лгу ли я себе и людям. Этот вопрос даже рассердил меня, а старичок вдруг достает пузырек с чем-то и предлагает выпить, чтобы испытать себя. Жидкость, мол, безвредная, если человек уверен в себе и не лжет. А чтобы я не думал, что здесь подвох какой-то, что отравить пытаются, подает мне ожерелье в подарок. «Взятка?» — спрашиваю. «Не взятка, а сделка, – отвечает. – Получить долгожданный мир за ожерелье, пусть даже и дорогое, – дело выгодное». Я говорю, что ни в Бога, ни в дьявола не верю, а он в ответ – что убьет не Бог и не дьявол, а ложь, если она есть во мне, а если нет лжи, то и жить мне век целый. Вот такая задачка выпала... Не выпить – признать, что лгу. Взять ожерелье – что в отряде скажут? Я ведь там не один был, за спиной два бойца с винтарями, потому как моим же приказом запрещено было ходить поодиночке даже за бархан по нужде. И все же я решился. Беру ожерелье, кладу в карман. Вытряхиваю содержимое пузырька в пиалу. Выпиваю. После чего вежливо прощаюсь, отхожу на пару шагов, поворачиваюсь и бросаю ожерелье старику на прилавок. Что-то мне тогда подсказало, что именно так надо поступить.

Ты говоришь, что все это ерунда, что заразу я подхватил от фруктов с рынка, мне же кажется, что он тогда дал мне какой-то ослабленный бациллоноситель, который и убил бы меня тогда, если бы я был не уверен в своей правоте. И все эти десятилетия какой-то вирус жил во мне, ожидая, не придет ли его время. И оно пришло, оттого я и умираю. Хорошо, что я не взял тогда ожерелье...

... Найденов очнулся от сна и тревожно глянул на часы – забытье длилось лишь несколько минут. «Надо хлебнуть кофе», – решил он и поднялся со скрипучей кровати. Сладко потянувшись, подошел к столу, достал из-под него электрический чайник и стал осторожно тыкать оголенные концы шнура в электропроводку на стене. Розетки в комнате начальника караула не было, поэтому изоляция на стене была разодрана до металлической жилы в нескольких местах, что позволяло, при желании, одновременно подключить не только электрочайник, но и магнитофон.

На пороге комнаты начальника караула появились две рослые фигуры, заслонив собой и без того скудный свет, падавший из коридора.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите поговорить с вами?

Сержант Андрианов, заступивший в караул разводящим, произнес эту фразу и обернулся, словно за поддержкой, к своему другу ефрейтору Куцему, который стоял чуть сзади и нахально улыбался.

– Чего вам?

– Мы по тому же вопросу.

– Разве я недостаточно ясно объяснил?

– Согласитесь, если бы командир роты составлял список, мы были бы первыми.

Командир роты лег с брюшным тифом в инфекционный госпиталь и, пока Олегов был в колонне, Найденов по своему усмотрению составил список очередности увольнения в запас.

– Вот вы объясните, почему Загорский и Воронин едут, так сказать, в первых рядах?

– Залетов нет, дисциплину не нарушают, – спокойно произнес Найденов.

– Да они такие хорошенькие, потому как до дембеля душками остались, по хилости и трусости такие, – обиженно подал голос Куцкий.

– У Воронина одна бабушка с сорокарублевой пенсией, он вообще непонятно как в Афган попал. Конечно, ты больше мяса и фруктов ел, пока рос. Вот и стоишь теперь передо мной такой высокий, сильный и уверенный в себе. Его я записал первым, чтобы хоть как-то восстановить справедливость...

– Вот-вот, вам нужна справедливость, а командиру роты – внутренний порядок и дисциплина, – желчно произнес Андрианов.

– А как же! Как положено, двухголовый дракон, – усмехнулся Найденов.

– Но ведь у меня залетов-то нет, – не унимался Куцкий.

– Изволь, – Найденов достал из кармана памятный блокнот и нараспев прочел: – «Куцкий: кроссовки и дипломат – восемьдесят чеков, наличными —сорок». Извини, но перебор в червонец. Где взял? Вымогательство или мародерство, а, может, воровство или спекуляция? Выбери статью.

– Что вы все к шмоткам цепляетесь? Вон, чернотики и пехота домой мешками тащат.

– А ты видел?

– Знаю. А кроме того, – Андрианов вдруг ехидно улыбнулся, – помните, вы меня в патруле «Фантой» угощали? Как вы ее купили? Ведь не только для солдат на чеке написано, что продаже другим лицам не подлежит?!

– Спасибо, друг, больше угощать не буду! Только это моего отношения к вам не меняет.

– Ну хорошо, а почему вы Кострова в первой пятерке записали?

Найденов недоуменно пожал плечами.

– А в чем проблема? Более-менее служит, в конце концов, я же его не первым записал.

Куцкий обернулся назад, нет ли кого, наклонился к Найденову и голосом заговорщика произнес:

– А ведь это он настучал на вас особисту.

– Откуда знаешь?

– У нас свое чека. Заметили просто, что когда майор Гаврильцов, проходя мимо роты на разводе, запястье почешет, Костров потом в подвальную каптерку за ветошью ходит.

– Что тебе сказать на это? – Найденов слегка задумался, – он поступает так, как завещал великий Ленин в работе «Берегитесь шпионов». За информацию спасибо. Не забуду объявить ему благодарность.

Андрианов и Куцый засмеялись, и один из них сказал:

– А за то, что часы электронные у начальника штаба украл, что объявите?

Найденов вспомнил неприятную историю месячной давности, когда из кабинета начальника штаба полка в обеденный перерыв пропали часы. В штабе в это время никого не было, рядом с кабинетом на первом посту стоял часовой, как раз Костров. Ответить ребятам на этот вопрос он не успел, звякнул полевой телефон на столе. Звонил часовой со входа в президентский дворец.

– Коробочкин с проверкой идет...

– Ну-ка, порядок навести, проверка идет, – Найденов махнул рукой, давая понять, что беседа окончена. Наскоро плеснув в железную кружку кипятку, он сыпанул из жестяной банки растворимого кофе и, выскребя остатки сгущенного молока, все размешал. Попробовал, слегка обжегся, поставил кружку на стол и вышел в коридор.

– Ну-ка, Боря, подклей это, – сказал Найденов Загорному, который брызгал водой из ведра на бетонный пол, чтобы прибить пыль.

– Что?

– Вот это, – Найденов показал пальцем на слегка оторвавшийся уголок плаката, на котором была изображена смена часовых. Бумажный плакат был наклеен на фанерный лист.

– Где ж я клей возьму?

– Если бы у меня был клей, я бы сам приклеил, – раздраженно ответил Найденов.

Из комнаты бодрствующей смены с довольной улыбкой вышел Тарасов. Он ободряюще похлопал Борю по плечу, подошел к полке, на которой были разложены туалетные принадлежности личного состава караула, взял чей-то тюбик зубной пасты и, выразительно глянув на Найденова, выдавленной пастой приклеил оторвавшийся бумажный лоскуток.

– Учись жизни, Боря, пока я жив, – настоятельно сказал Тарасов.

Куцый, через дверь видевший сцену в коридоре, засмеялся:

– Справедливость торжествует!

– На обломках нашей молодой жизни... – буркнул в поддержку Андрианов, но Найденов этого уже не слышал, он шел навстречу появившемуся секретарю партийного комитета майору Коробочкину.

– Впустили меня почему? – вместо ответа на рапорт спросил Коробочкин.

– Видел, как Митрохин в штабе на вас допуск выписывал.

Коробочкин кивнул головой, взял со стола план партийно-политической работы в карауле, прочел его, поднял голову, увидел Тарасова и подозвал его к себе.

– Кто комсгруппорг караула?

– Гирин.

– Твоя фамилия?

– Тарасов.

– С кем соревнуешься?

– С Загорным.

– Гм... Все бьет... Ну ладно, – Коробочкин лукаво прищурился и, склонив голову набок, спросил: – А скажите-ка, что запрещается часовому?

Тарасов бодро затарабанил статью из устава гарнизонной и караульной служб:

– Часовому запрещается есть, пить, курить, справлять естественные надобности...

– Стоп!!! А потеть – естественная надобность?

– Да... – растерянно ответил Тарасов.

– Значит, нельзя потеть на посту?

– Выходит, да... – еще более растерянно ответил Тарасов, а остальные солдаты весело рассмеялись, довольные шуткой.

Самодовольно улыбаясь, Коробочкин сел за стол, черкнул в постовой ведомости пару строк о проверке и с озабоченным видом сказал Найденову:

– Ладно, я по постам не пойду, дела у меня, а ты сходи, не ленись...

Посидев с минуту в задумчивости после его ухода, Найденов хмуро глянул на Тарасова:

– Ну ты и жук! Ты ведь в прошлом карауле слышал от него же эту шутку про пот!

Тарасов с лицом примерного ученика ответил:

– Так дяденька хочет казаться остроумным. А мне жалко, что ли...

«Надо приглядеться к этому мерзавцу», – решил Найденов и направился к выходу, где в коридоре Боря в очередной раз сбрызгивал бетонный пол водой. Эту процедуру приходилось делать каждые полчаса: сухой воздух быстро испарял влагу, и снова поднималась пыль.

– А скажи, Боря, когда неуставщины не будет? – спросил Найденов, останавливаясь рядом.

Боря тяжело разогнулся, виновато склонил голову и неуверенно сказал:

– Не знаю... Может, если бы всем хорошей еды хватало, не давили бы друг друга...

– Если б так просто, – усмехнулся Найденов, потом вдруг, как будто что-то забыв, резко повернулся кругом и быстро, чтобы вечно голодный Боря не заметил, как он покраснел, направился в комнату начальника караула. Взяв со стола почти опустошенную банку стущенки, он осторожно, стараясь не очень шелестеть бумагой, завернул ее в газету и мягко опустил в корзину для мусора, сделанную из пластмассового корпуса итальянской противотанковой мины.

Выходил из караулки быстрым шагом, стараясь не смотреть на копавшегося в коридоре Борю. Он вспомнил, как полгода назад Загорного уличили в том, что он выбирал остатки плова в мусоре, выброшенном из столовой, где ели офицеры афганской и советской госбезопасности, охранявшие президентский дворец. После этого Борю стыдили на комсомольском собрании роты за то, что тот позорит не только роту, но и моральный облик советского человека.

– Стыдно перед этими обезьянами из-за тебя, Боря, – с чувством тогда говорил Куцый. – Беру я тебя на поруки, буду шефствовать над тобой.

Так тогда и порешили, закрепив шефство в протоколе.

Полуденное солнце палило вовсю. Безоблачно-синее небо с утра слегка поблекло от пыльной дымки, всплывавшей к обеду над Кабульской котловиной. От сортира несло смрадом. Побеленная половина его принадлежала десантникам, другая, со скользкими от нечистот ступеньками, эксплуатировалась афганскими солдатами. Найденов, отгоняя назойливых мух, прошел около казармы, на стене которой гораздый на выдумку комбат, видно, озабоченный тем, чтобы бойцы не мочились ночью прямо под углом, повесил щит с нарисованной ослиной мордой и крупной надписью: «Здесь оправляются только ослы».

Офицеры ХАДа, те из них, что знали русский язык, проходя мимо в свою казарму, недоумевали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.